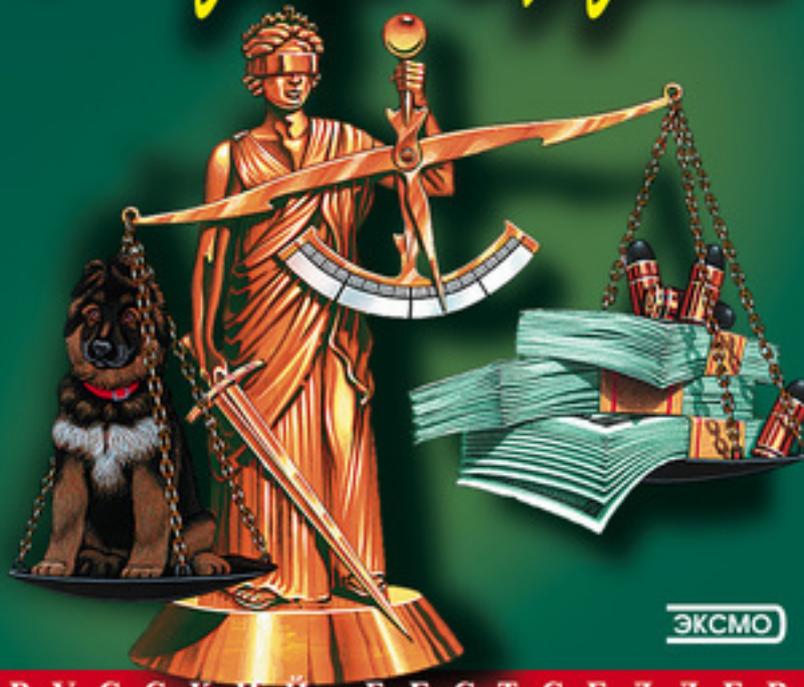

Вячеслав
ДЕНИСОВ

Трибунал для судьи

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Судья Струге

Вячеслав Денисов
Трибунал для судьи

«ЭКСМО»

2002

Денисов В. Ю.

Трибунал для судьи / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2002 — (Судья Струге)

Мировой судья Антон Струге не искал приключений на свою голову. Они сами его нашли в образе... забавного щенка немецкой овчарки, которого он купил по случаю. Только щенок оказался не простой, а элитный и стоил таких денег, что ради них люди готовы буквально растерзать друг друга, как собаки. И угодил судья в такой переплет – врагу не пожелаешь. Все, кому не лень, начали на него охоту. И местный авторитет-беспредельщик Гурон со своими отморозками, и коварная молодая немка, бывшая хозяйка украденного из питомника щенка, и подлые оборотни из угрозыска, и даже председатель суда. Все жаждут урвать жирный кусок в долларах. Одного не учли алчные охотники: что судья Струге не хлипкий пацифист и, если уж дело дошло до драки – связываться с ним себе дороже... Ранее роман «Трибунал для судьи» выходил под названием «Продам повязку для Фемиды».

© Денисов В. Ю., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Вячеслав Денисов

Трибунал для судьи

*Все герои и персонажи в романе являются вымышленными.
Совпадения с реальными лицами и событиями случайны.*
Автор

Пролог

Я оторвался от компьютера и посмотрел на Сашу. Она лежала на диване лицом ко мне и читала книгу. Жена была настолько прелестна, что я не мог оторвать от нее взгляд. Ее стройные ноги, на всю длину которых не хватало короткого шелкового халатика, заставили меня понять: к «домашней судейской» работе – описанию вынесенных за день решений, я уже не вернусь. Поднявшись из-за столика, я приблизился к своей Сашеньке и опустил пред нею на колени. Удивленно вскинув брови, она подарила мне одну из тех улыбок, что в последние несколько месяцев буквально сводили меня с ума.

Я был счастлив и нежен, как ребенок. Глупо скрывать свое счастье в любви, когда оно приходит.

– Что читаешь? – спросил я, не сводя с нее глаз.

– Цветаеву, – она вновь открыла отложенную в сторону книгу. – Тут есть и о тебе.

– На самом деле? – Я искренне удивился. – Вот уж не думал, что в своем наследии она упомянет и меня.

– Она упомянула всех. Хочешь послушать о себе?

Прильнув щекой к ее плечу, я едва заметно кивнул...

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище...

– Красиво, – согласился я. – И, самое главное, умно. Но безнадежно. Она никогда не выпытает. И тем мила в своих мыслях. А у меня все теперь просто и светло, и в нашем доме, на зеркалах, никогда не будет пыли. Я прошел этот путь, Сашенька. Прошел его, чтобы остаться самим собой... Для тебя.

Саша, не отрываясь, смотрела в мои глаза, и я чувствовал – еще мгновение, и она заплачет. Боже мой, моя девочка читает Цветаеву и плачет от того, что почти сорокалетний мужик сумел сказать вслух то, что застыло у него в сердце.

– Я не хочу уезжать в Москву, – сказала она, отложив книгу. По тому, как она ее закрыла, я понял – она не шутит. – Я не хочу ехать ни на какие курсы повышения квалификации. Пошли они к черту. Я хочу быть с тобой.

Вот и «завела» меня женщина Цветаевой... Растаял, вместо того чтобы поддержать перед дорогой.

– Саша, тебе нужно ехать. – Мой голос стал чуть тверже. – Ты ждала этой должности, ты ради нее делала карьеру. Мы будем жить долго и умрем в один день. – Я улыбнулся. – Я поддерживаю Грина в этом. Но ты должна перед этим стать начальником юридического отдела банка, а я... Ну, я тоже не потерянный человек. Один месяц разлуки перед целой жизнью – одна капля в стакане воды. Езжай, Сашенька.

Я проводил ее до аэровокзала на следующее утро. *В ней еще жила последняя ночь, и это помогло нам расстаться на ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ без переживаний и досады...*

Все началось через неделю после отъезда Саши. А точнее, через два дня после моего ухода в отпуск. Мысль о том, что я целый месяц буду ходить на стадион «Динамо», где мы с прокурором Вадимом Пашенко играли в одной любительской команде, омрачал лишь факт отсутствия жены. Не успела Саша улететь, как на следующий день председатель моего родного Центрального суда объявляет, что мне нужно в этом месяце уйти в отпуск.

– Антон Павлович, вы сами знаете, у Шмидт заболела дочь, и ее срочно нужно везти в санаторий. Поэтому придется ваш январский отпуск перенести на декабрь.

– А у меня жена улетела в Москву, – попробовал отвергнуть я такой вариант.

Но не получилось. У меня с председателями никогда не получается. Первый, Заруцкий, меня ненавидел лютой ненавистью за принципиальность. Нового, Николаева, за то же самое уважал я. Бог с ним, может, дочери Шмидт от этого на самом деле станет лучше. Жизнь – это счастье. А не об этом ли я говорил перед отлетом Саше? Буду с Пашенко пинать его модный «найковский» мяч в ветеранской команде да читать по вечерам книги. Если позволит все тот же Пашенко. Иногда, по причине безбрачия, у него нет-нет да и мелькнут шальные мыслишки относительно того, чтобы вместе развеяться... Но на этом фронте я уже отвоевал. Наш последний мальчишник состоялся три месяца назад. На следующий день прокурор транспортной прокуратуры с белой розой в петлице костюма от Рико Понти вел меня под венец.

С Сашей мы перезванивались каждый день. Казалось, что никаких новостей у меня, помимо счета в матчах, не было. Но я говорил и говорил, словно меня, молчавшего все эти годы, прорвало. И нам казалось, что нет людей, счастливее нас. И уже ничто не сможет встревожить или побеспокоить наши вновь рожденные души...

Итак, на третий день бестолкового отпуска, третьего декабря две тысячи второго года, я проснулся, включил кофеварку и отправился в душ с полотенцем через плечо. Жена Александра уже неделю находилась в командировке в Москве, и ожидать ее приезда оставалось еще три недели. Вчера Саша по телефону уверила меня, что наиболее успевающим, в категорию коих входила и она, срок обучения могут сократить на неделю. Это радует. Значит, около недели мы сможем все-таки побыть вместе. И доделать, наконец, одно важное дело. С момента нашей встречи мы жили у нее в квартире. И первым грандиозным планом нашей семьи было мероприятие по совмещению двух однокомнатных квартир в одну, более приемлемую для совместного проживания. Оставшись после отъезда жены один, я ушел в свою квартиру. Одиночество вновь потянуло меня в привычное место.

Если бы я остался тогда в ее квартире!

И какие странные изменения могут произойти в судьбе по причине того, что в сахарнице не окажется одной-единственной ложки сахара...

Слегка переборщив с контрастным душем, где холодного было больше, чем горячего, я, стуча зубами и с вожделием думая о чашке кофе, выбрался из ванной. Скорее по привычке, нежели по необходимости, проводя расческой по коротко стриженным волосам, я зашел в кухню и понял, что кофе отменяется. Еще вчера, то есть второго декабря, я выгреб из сахарницы последний сахар.

Меня поймет тот, кто, умирая от жары, приползет на людный пляж и, вдохнув свежий морской воздух, вспомнит, что забыл дома плавки.

Заперев в домашний мини-сейф газовый пистолет, облачившись в дубленку, я вытряхнул из пакета какую-то любовную лирику, что позабыла Саша. Вздохнув и совершенно не думая о будущем, я шагнул за порог родного дома «изменять жизнь к лучшему». Так, во всяком слу-

чае, гласила надпись на пакете. Закрывая дверь на замок с суперсекретом, который дважды судимый сосед из одиннадцатой квартиры, на спор со мной, открыл ровно за восемь секунд, я услышал за спиной голос Иванныча. Иванныч – выпивоха с верхнего этажа. Точнее – не «выпивоха», а «пропивоха», ибо он пропивал все, что имело материальную ценность. Не пропитой у него оставалась только однокомнатная квартира. И то по причине, что в ней, кроме Иванныча, была прописана еще его сестра. Она уже в тридцать восьмой раз отклонила предложение брата «квартиру продать, а деньги поделить». Логично, если рассуждать мозгами сестры. По ее, да и по моим подсчетам тоже, Иванныч должен был скоро пропить сам себя. Вот тогда сестра и решит, что делать с квартирой...

Итак, я услышал голос:

– Антон, «пушнинка» есть?

Мой ключ замер в «суперзамке». Я вспоминал. Не поворачиваясь, отчеканил:

– Есть. Штук двадцать. Пивных.

На всякий случай поясняю: «пушнина» – это пустая стеклянная тара из-под напитков. Она подлежит обмену на деньги, с целью приобретения тары наполненной, с последующим ее осушением и подготовкой к сдаче.

Если бы я откликнулся на мольбы Иванныча и вернулся в квартиру, чтобы отдать ему пустые бутылки, моя жизнь была бы сейчас совершенно другой. Смешно. Даже не верится. Но это так. Однако я решил тогда, что возвращаться – плохая примета... Хотя, я вру. Мне было просто лень. Я попросил Иванныча подойти через часок, когда вернусь с рынка. Опять же, почему я сказал – «с рынка», когда под боком был гастроном? Снова глупая случайность, которая запрограммировала меня на дальнейшие действия. И я впрямь отправился на рынок, расстояние до которого было в два раза больше, чем до магазина.

Проходя мимо стихийно организованных рядов вдоль рыночного забора, я познакомился с Рольфом. Так он представился. С этого все и началось...

Часть первая

Пес, не попавший в рай

Глава 1

Он сидел на грязном половике, постеленном на дно огромной картонной коробки из-под холодильника «Фунай», и грустными голубыми глазами, похожими на огромные голубые миндалины, встречал и провожал прохожих. Не знаю, что заставило меня остановиться и присесть на корточки перед коробкой. Наверное, ее нелепость. Щеночка еще можно поместить в коробку. Так он больше вызывает умиления и демонстрирует свое одиночество. Но подросток в коробке из-под холодильника – это чересчур. Я никогда не интересовался собаками и не имел ни малейшего представления об их поведении, желаниях и стремлениях. Проработав восемь лет федеральным судьей в суде Центрального района, я знал лишь об их возможностях. Точнее – о двух. Собаки умеют быстро бегать и больно кусаться. На себе мне это еще испытывать не приходилось, но вот людей, кому посчастливилось это узнать, я видел очень много.

Заметив мою заинтересованность, зависшая над коробкой, как фонарь над дорогой, хозяйка пса пояснила:

– Немецкая овчарка. Кобель. А «папа» у нас сейчас в Германии, на выставке.

Я поднял глаза на хозяйку. У такой женщины щенок немецкой овчарки может появиться только по одной причине – она его где-то «свистнула». Во-первых, щенок упитан, а хозяйка имеет все признаки спивания. Во-вторых, собаки ненавидят алкоголиков. Патологически. И вряд ли этот пес был привязан к такой хозяйке. У него вообще был вид, что он точно знает – над ним издеваются! И сейчас ищет способ закончить этот беспредел.

– А «мама» тогда где? – спросил я.

– Дома, дома, – быстро ответила хозяйка.

– Ждет «папу»?

– Очень породистый, – стала она объяснять, не отвечая на мой последний вопрос. – Очень. Отдаю дешево, потому что – последний.

– Почему глаза голубые и грустные? – не унимался я. – Болен?

– Да что вы, молодой человек! – возмутилась бабушка неподалеку. К груди она прижимала какого-то сопливого пекинеса. – Вы на нос поглядите! Он влажный у него, то бишь – здоровый пес. А глаза у них у всех голубые в младенческом возрасте. Хорошая овчарка – как специалист говорю.

– А что с прививками? – поинтересовался я, припоминая собственные запросы в кинологические клиники по фактам укусов собак потерпевших.

– Сделаны, конечно. Все три.

«Прививки не сделаны...» – услышал я. Кобелю не менее четырех месяцев, а это значит, что прививок должно быть гораздо больше. Это тоже из моей судебной практики. Я этому, что называется, «насобачился» благодаря именно тому, что граждане в городе собак покупают, а потом начинают узнавать, чем кормить и чем колоть. А пока слушают ответы, их подрастающие питомцы кусают ноги прохожим. А вторая, покусанная сторона, идет с исками в суд...

– А документы?

– Через неделю «папу» привезут, и я вам дам документы. Адрес запишите.

«Документов нет...»

– А «дешево» – это сколько? – спросил я, поражаясь своему вопросу.

Запрошенные за щенка деньги составляли незначительную часть моего заработка мирового судьи и такую же, если верить красавцу-щенку, его истинной стоимости. Но дело не в этом. В мои планы не входило приобретение четвероногого друга. Быть ответственным вне зала судебных заседаний за чью-то, пусть даже собачью жизнь, я не хотел. Просто смотрел, как замороженный, на вислоухого пса и не мог отвести от него взгляд. В том, что он добрых кровей, я не сомневался. Как-то одна дама во время хода процесса сделала мне полную выкладку по собачьим характеристикам. В процессе она участвовала как специалист по укусам. Нужно было доказать, что на правой ягодичной части потерпевшего находится именно укус добермана, а не след от неудачного преодоления забора. Я повспоминал ее речи и пришел к твердому убеждению – «мой» щенок в коробке из-под «Фуная» определенно входил в элитную группу.

– Ну, – пробормотал я, протягивая руку к голове пса. – И как тебя зовут?

Щенок неожиданно сменил ленивость валенка на прыть. Изловчившись, он цапнул меня за палец своими молочными зубками и вперил в меня взгляд исподлобья.

«Черт, больно!»

– Отдай, – потребовал я, пытаюсь выдернуть палец из маленького капкана. – Лучше, похорошему...

Щенок, видя, что его жертва настроена не совсем игриво, решил тоже проявить характер и, не выпуская пальца, зарычал так грозно, как может рычать щенок через четыре месяца после рождения: «Prrrrr-о-о...»

Внезапно им овладела зевота. Он разжал челюсти и обнажил свою маленькую пасть, демонстрируя передо мной весь набор иголок и черные десны. Зевнув как следует, он смачно чихнул – «Фф!!!» и улегся на подстилку, позабыв о своей свирепости.

– Рольф? – усмехнулся я, вытирая обшлюявленный палец о джинсы. – Тебя зовут РОЛЬФ?

Щенку было на меня наплевать. Он глубоко вздохнул, раздув до безобразия свое и без того круглое тело, и закрыл глаза. Внезапно за моей спиной раздался голос:

– Во, давай этого возьмем.

Капризный женский голос возразил:

– Ну, ты же знаешь, лабрадор в джипе будет смотреться гораздо прикольнее!

– Не, «немец» лучше. Почему продаешь?

Последнее, очевидно, относилось к хозяйке Рольфа, так как она, сделав сливочное лицо, заголосила чуть ли не на весь рынок.

– Дешево, дешево! Всего двести рублей! Забирайте!

Я, слыша шуршание купюр за спиной, продолжал поглаживать щенка.

– Слышь, ну-ка, подвинься!

Это – уже мне. Я, не вставая, повернул голову.

– Ты мне? – уточнил на всякий случай.

– А че, себе, что ли? Отойди от щенка, дай-ка, возьму...

Надо мной стояли сорокалетний «бычок», «прикинутый на все «сто», и его подруга, «чисто по жизни». Типа жена, как бы. Про таких «бычков» говорят, что у них большой живот не от пива, а для пива, а их жены, как правило, являются непревзойденными специалистами в вопросе подбора породы собаки к марке автомашины. Эта категория клиентов – моя самая любимая. Когда у меня в кабинете они начинают предъявлять друг другу претензии и ставить перед судом *такие* задачи, что мне, высококвалифицированному юристу, хочется сначала заплакать, а потом расхохотаться. Заплакать от грусти, что в моей стране плодятся, как кролики, дегенераты, а расхохотаться, когда слышу, о чем идет речь. При наличии шести автомобилей и четырех квартир они пришли в судебном порядке разделить недостроенную дачу. Я разделил так, как велит закон. Ей отдал забор, а ему – шесть соток земли. Ушли счастливые. С ума сойти! Додуматься до этого сами не могли...

Но я немного отвлекся. Быть тактичным мне мешали две вещи – я был не в мантии, и еще свежи были в памяти «крещенские» забавы Пастора в заводском морозильнике. Да и случай сейчас был другой. «Бык», совершенно не интересуясь моим мнением, покушался на Рольфа.

– Щенок мой.

– Я чет не понял, кто здесь торгует? – попытался «бык» распрямить в своей голове тугую рессору. – Чья собака?

– Моя! – заверила тетка.

– Нет, моя, – возразил я, бросив в коробку деньги и вытаскивая щенка.

– Миш! – заверещала спутница «бычка». – Он че тебя, кидает, что ли?! Ты объясни ему! Что за дела-то?!

Объяснить нужно мне. Это должен сделать «Миш». Он должен сейчас убедить меня отдать ему Рольфа и забыть о случившемся. Но «Миш» просто не понимает всей серьезности сложившейся ситуации. Если Струге Антон Павлович, бывший федеральный, а ныне – мировой судья федерального Центрального суда города Тернова, совершает такой противозаконный для себя поступок, как приобретение собаки, да еще отдает за это деньги, то мешать ему не нужно. Но у «быка» на этот счет было иное мнение.

– Положь собаку. Только быстро. Себе во дворе найдешь.

Спокойно так сказал. С ломаным блатным акцентом. Почему-то почти все «быки» думают, что если расслабленными губами цедить сквозь зубы какую-то галиматью и лениво коверкать слова, то на оппонента это оказывает такое же устрашающее воздействие, как удары Кинг-Конга себе по груди.

– Выплюнь муху, – посоветовал я.

– Ты че, твою-мою? С кем базаришь, мля?

Потрясающий синтаксис. Я решил отстегнуть от эволюции человечества пару миллионов лет и ответил:

– Мою твою в рыло имел. Рольф мой.

Это был МОЙ щенок. Мой РОЛЬФ.

Пес, заскулив, подтвердил. Глянув на коробку, я не обнаружил ни хозяйки, ни денег. Вероятно, та решила не устраивать аукциона, поняв серьезность претензий на лот. Взяв щенка за прилагаемый к нему поводок, я направился в сторону дома. Но идти он не хотел. Он замерз и дрожал. Пришлось поднять его на руки.

Через пять шагов я ощутил вполне предсказуемый удар по ноге. Это меня догнал «бычок». Ему до зарезу нужен был Рольф. *Мой* Рольф. А еще ему до зарезу нужно было меня попинать, чтобы в будущем я, чмо, знал свое место. Справа от меня стоял мужик и продавал какие-то запчасти от орбитальной станции «Мир» и гаражные замки. Я протянул ему поводок Рольфа и попросил подержать полминуты. Потом развернулся и впечатал нос «быка» в голову. После удара барсетка полетела в одну сторону, «моторола» с выскочившей антенной – в другую, куда-то в снег, а «бык» – трансформер – в третью. Туда, где в ожидании окончания расправы надо мной стояла «типа его жена». Под крики: «Миша! Миша!», «пощупайте у него пульс!» и «пирожки-и-и!.. пирожки-и-и!..» я пересек дорогу. Когда услышал: «Вызовите милицию!», я быстро прошел по дворам к гастроному, купил сахар и вернулся домой. **ВОТ ТОЛЬКО ЕЁ, РОДНОЙ МИЛИЦИИ, МНЕ СЕЙЧАС И НЕ ХВАТАЛО!**

Все это время Рольф правдоподобно рычал, аки зверь, и кусал мне пальцы на левой руке.

Вскоре он отогрелся и начал под отворотом моей дубленки какие-то движения. Упрашивать дважды меня никогда не приходилось. Я просто вынул его и поставил на утопанный снег. И сразу поразился одному явлению. Как бы я ни менял движение, он постоянно шел слева от моей левой ноги. Я даже пару раз сознательно изменил направление и повернулся кругом. Но чуда не случилось. Рольф упрямо находил мою левую ногу и шел рядом.

Сегодня же иду покупать книги по собаководству. Сходил за сахаром...

* * *

Кофе, конечно, остыл. Поставив переключатель кофеварки в режим «подогрев», я закурил и стал думать, как избавиться от щенка. И еще о том, что я конченный идиот. Если бы я вернулся в квартиру, чтобы отдать Иванычу бутылки, то Рольф был бы уже куплен «быком» и впереди щенка ожидали «прикольные» поездки на джипе, ежедневное пожирание эскалопа и глотание сахарных косточек. У меня он мог рассчитывать только на кости из супа, остатки обеда и «Педигри». Сука этот «бык»! Попросил бы по-человечески, мол, старик, уступи собаку, будь другом. Я бы слова не сказал! Но что сделано, то сделано. *Рольф у меня дома.*

Первое, что он сделал, оказавшись на полу моей квартиры, это лужу. Я сходил за тряпкой и вытер ее. Пока относил тряпку в ванную, он залез под низкий диван и заорал, будучи не в силах вылезти. Пришлось становиться на карачки и играть роль специалиста МЧС. Цыкнув на маленького охламона и поместив его на середину комнаты, я пошел на кухню пересыпать сахар в пластмассовую емкость. У меня все всегда находится на своих местах. Носки – в ящике, аккуратно разложенные попарно, сахар – в специальной посуде, а обувь всегда вычищена и стоит в коридоре на полочке. Это я говорю к тому, что с детства органически не терплю беспорядка. Я могу часами вешать на стене картину, по миллиметрам выверяя ее расположение, по два раза в день пылесосить палас и столько же раз вытирать пыль. Наверное, именно поэтому ушла моя первая жена к какому-то торговцу недвижимостью. Сейчас живет в Израиле. И в качестве компенсации за испорченные мною два года совместной жизни присылает издевательские письма, в которых рассказывает, в каких странах отдыхала, какое на вкус крокодиловое мясо, и сетует на свою рассеянность – потеряла в опере ридикюль с двумя тысячами долларов. Муж так упрекал...

Саша, читая их, хохотала как безумная. «Ты ей, Антон, – говорит, – напиши – мол, очень переживаю за то, что тебе с мужем приходится ловить для пропитания крокодилов!» Как я сам раньше до этого не додумался?

Выходя из кухни, я своей судейской душой почувствовал неладное. Тут же, в подтверждение этому, раздался сухой треск разрываемой бумаги. Рольф старательно превращал в лапшу корочку гражданского дела по иску господина Мухачева к ЗАО «Стройсервис» по невыполнению сроков поставки мягкой мебели. Я грудью бросился на дело, с ужасом думая о том, что могло произойти, если бы это мохнатое, юридически неграмотное существо сожрало все расписки и накладные. Глядя на дело, а точнее на то, что от него осталось, я быстро подсчитал возможный исход. Все было на месте, а о внешнем виде можно не заботиться. Спросят, почему на корочках слюна, у меня ответ готов. Я пробовал высосать из него все, что приемлемо к практике гражданского производства. Однако я тут же убедился, что к моей подписи на бланке определения дела к судебному разбирательству, *добавилась еще одна...* Чертыхнувшись, я снова направился в ванную за тряпкой, веником и совком. Нужно срочно найти канал сбыта Рольфа, пока он не добрался до моего удостоверения судьи и кобуры с пистолетом. В том, что он сумеет открыть сейф, я уже не сомневался.

Звонок в дверь застал меня в положении «упора лежа», когда я пытался вытащить Рольфа из-под дивана. Он затащил туда мою тапку и, яростно рыча, делал попытку оторвать от нее пятку. На команду «кака!» он не реагировал. Тогда я вспомнил кинологический клуб и рявкнул: «Фу!». Зверь от неожиданности струхнул, но это состояние продолжалось недолго. В тот момент, когда я, щелкая замком, открывал дверь, под диваном раздался звук, не оставляющий сомнений в том, что пес с задачей справился.

В проеме двери светилась радостная физиономия Иваныча. Он пришел за обещанной стеклотарой.

– Иди на кухню и забирай. – В моем голосе пылал неприкрытый гнев. – Только разуйся!

Сосед, не понимая истинной причины моей ярости, суетливо стянул с себя кроссовки и засеменял на кухню.

– Ну-ка, выходи оттуда! – заорал я под диван. – Выходи, иначе задницу ремнем располокую!

Иваныч послушно выскочил из кухни и встал передо мной, как конь перед травой. Его глаза светились ужасом. Проанализировав ситуацию, я спокойно ему бросил:

– Это не тебе. Продолжай...

Сосед снова утонул в глубине кухни.

Под омерзительный перестук «чебурашек» я наконец вытянул Рольфа из-под дивана. Щенок скулил, визжал, рычал и кусался одновременно. Сев на пол и подняв дебошира под мышки, я как можно спокойнее принялся разяснять собаке банальные вещи:

– Не смей ничего трогать в моей квартире. Все, что в ней находится, мое. Твоего здесь ничего нет. Тапки – мои. Документы – мои. И этот палас тоже мой, черт возьми! Если хочешь в туалет, нужно проситься! Гавкнуть там, к двери подбежать или что там еще вы делаете.

От щенка пахло топленым молоком и «псинкой». При мысли о том, что в моей квартире, да и от меня самого вскоре будет пахнуть так же, я ужаснулся. И вдруг меня осенило. Поводом к этому был именно запах. Нужно позвонить в питомник УВД Петьке Варфоломееву! Мой друг еще по военному училищу, которое он непонятно зачем окончил, да еще и с «красным» дипломом, сразу после выпуска уволился из войск и устроился работать в питомник! От него всегда пахло псиной. Даже на свадьбе его смокинг был насквозь пропитан запахом собачатины. Как я мог забыть?! Вот мое спасение. Передам пса Петьке. Из Рольфа должна получиться отличная служебно-розыскная собака по уничтожению на корню незаконных вооруженных формирований и террористов. Именно – по *уничтожению*.

Я уже потянулся к телефону, как вдруг вспомнил, что по воскресеньям Петр Андреевич Варфоломеев имел обыкновение выводить многочисленное семейство из шести душ – жену, троих детей и двух собак – на прогулку в парк. На работе его в этот день недели не найдешь с огнем. А сегодня – именно воскресенье. Облом. Ладно, Рольф. Ты здесь переночуешь, но завтра, в восемь тридцать, я снимаю трубку с этого телефона и ровно через десять минут мы помчимся в питомник. В твой новый дом! От радости я даже ухмыльнулся, почувствовав, что с моих плеч сваливается камень величиной с Эверест.

– По-о-онял? – довольно протянул я.

Щенку надоело висеть в воздухе, и он коротко рыкнул, напоминая мне о том, что воспитание – воспитанием, но пора и честь знать. Я опустил его на пол. Рольф сделал несколько шагов, смешно выгибая в дугу задние лапы, остановился около кресла и упал на бок как подкошенный. Кажется, в процессе уничтожения моей домашней обуви пес использовал последние калории. Он положил морду на передние лапы и закрыл глаза. Мой барбос устал.

Подумав о калориях, я вспомнил, что пора собираться за продуктами. Во-первых, мой холодильник был пуст, как сейчас голова Иваныча, а во-вторых, Рольф скоро выйдет из комы, и его нужно будет чем-то кормить. Я вздохнул и направился в кухню. Появление пса в моем доме совершенно выбило меня из колеи. Сегодня я собирался выпить чашку кофе, совершить набег на гастроном, посмотреть матч «Ювентус – Бавария», а вечер посвятить торжественному мероприятию, посвященному сорокалетнему юбилею своего бывшего коллеги по прокуратуре Сашки Пермякова. Празднество должно состояться в «нашей» прокуратуре, в центре города. Однако последние события породили во мне сомнение, что я буду активным участником данного мероприятия. Оставить маленькую бестию один на один с квартирой – это значит плюнуть на все, что в ней находится.

Иваныч закончил сбор бутылок и стоял передо мной с улыбкой президента на саммите Совета Европы. В обеих руках, оттянутых почти до пола, красовались сумки.

– Тридцать две штуки! – сказал он таким голосом, как будто речь шла не о пустых бутылках, а о евро. – Ну, я пошел, Антон?

Я опять вздохнул.

– Иваныч, выпить хочешь?

– Ну, дык ить, это ж... Хорошо бы.

Открыв холодильник, я вынул единственное, что он морозил – початую бутылку «White Horse». После отъезда Саши одиноким стал не только я.

А бутылку мне подарил на мой день рождения все тот же Пермьяков.

– «Вите хорсе», – прочитал Иваныч.

После второй он спросил, словно извиняясь:

– Антон, ты что, приговор по завтрашнему делу репетируешь? – В слове *приговор*, как и положено бывшим зекам, ударение он ставил на первом слоге.

Я опешил.

– Какой приговор?

– Ходишь по хате, сам с собой разговариваешь.

– А-а... – понял я. – Это я с собакой.

– Ты собаку завел? – изумился Иваныч. – Какое погоняло дал? «Прокурор»? А можно посмотреть?

– Сиди! – зашипел я. – Разбудишь... Кстати, ты не знаешь, какой корм ему нужен, четырехмесячному?

Видя, что в бутылке еще достаточное количество «вите хорсе», он попытался начать ответ издали. Настолько издали, чтобы к концу рассказа виски закончился. Поняв его полную несостоятельность по этому вопросу, я разгадал этот коварный план. Быстро выпроводив соседа за дверь, вернулся к щенку. Он лежал, уже свернувшись в клубок, поджимая под себя еще короткий, но толстый хвост. Его тельце вздрагивало, и он коротко скулил. Ему снился хозяин, который почему-то защищал такую нехорошую тапку, и злой веник, который гнался за ним и рычал: «В питомник! В питомник! В питомник...»

– Да, в питомник! – подтвердил я.

Когда я вернулся из гастронома с полными пакетами провианта и стал бряцать ключами, пытаясь найти нужный, дверь рядом приоткрылась и на пороге появилась соседка – Альбина Болеславовна. В ее возрасте, а ей было уже восемьдесят, многие старушки все больше говорят о лекарствах и завтрашней плохой погоде (ломит в пояснице). Альбина Болеславовна пережила Сталина, лагерь под Салехардом (в 39-м сосед по коммуналке заметил, как она растапливает титан газетой с портретом вождя) и еще многое другое. Вместе с ясным разумом она сохранила свою неповторимую интеллигентность, и от нее до сих пор веяло той культурой старого времени, которую нам уже не обрести. Мое имя она произносила по-своему, с ударением на первую букву, и делала это так восхитительно, что даже я представлял себя уже не коротко стриженным сыщиком бандитской наружности, а рыцарем времен войны Англии с Шотландией.

Вот и сейчас она, приоткрыв дверь, с мягким упреком произнесла:

– Антон, мне кажется, ваш щенок испытывает муки одиночества. Не оставляйте его одного надолго. Судя по голосу, он еще мал...

Я поспешно поблагодарил старушку и стал лихорадочно открывать замок своей двери. Услышав, что творится в квартире, мне стало ясно, о чем идет речь. «Судя по голосу», в моей однокомнатной «хрущевке» находился матерый волк, которому только что, без анестезии, топором отрубили хвост.

Невозможно описать мое состояние, когда я увидел интерьер своего жилища. Именно – «жилища», потому что иначе это помещение назвать было нельзя. Моя милая квартирка, всегда радующая глаз чистотой и порядком, представляла собой жалкое зрелище. За время

моего отсутствия щенок стащил с полки и расшнуровал всю обувь, причем половина шнурков была разодрана на части по сантиметру длиной каждая. Потом щенок, очевидно, посетил ванную, так как на всей площади квартиры были разбросаны щепки от веника. Помимо паласа, части распотрошенного веника, словно осколки от разорвавшегося снаряда, валялись на кресле, диване и в коридоре. Увидев под ногами пустую коробку из-под йогурта, которую я вчера выбросил в ведро для мусора, я расхотел идти на кухню...

– Вот гад! – вырвалось у меня. – Хорошо жена не видит.

Увидев меня, пес прервал свой истеричный фальцет и закосолапил ко мне.

– Ну, ничего, – бормотал я, собирая обратно в ведро помои и щепки. – Я потерплю, потерплю... До завтра. А завтра ты будешь сидеть в вольере и жрать из мятой алюминиевой миски перловку... Хмырь.

Но сегодня пес жрал мясные собачьи консервы. И – из *моей* тарелки. Покончив с консервами, Рольф переключился на воду. Он минуты две щелкал языком над второй тарелкой, и я уже стал думать, что его скоро разорвет. Однако, раздувшись как пузырь, он отвалился в сторону. Ему, видимо, хотелось игриво отскочить от тарелки, но от того количества пищи, которое он в себя поместил, щенка занесло и он шлепнулся на бок.

– Ага-а-а! – злорадно воскликнул я.

Однако Рольф тут же вскочил и заковылял в комнату, которую я только что привел в первозданный вид. На середине дороги между комнатой и кухней он принял позу, не оставляющую сомнений в его намерениях. Из *моей* обессиленной руки выпала тряпка, и я с безнадежностью наблюдал, как из-под него медленно расплывается лужа. У этого щенка прямая кишка начиналась сразу после пасти, а заканчивалась под хвостом! Если до утра меня не хватит паралич или не случится психоз, то это будет просто удачей. Между тем пес развернулся и, как близорукий, приблизил морду к результату своего труда. Изучив масштабы и качество, он остался доволен и вприпрыжку помчался в комнату. Я понял, что у него там еще остались неотложные дела...

Перед Пермяковым пришлось извиниться и выслушать вполне обоснованный упрек. Уж кто-кто, а Александр всегда отмечал мои праздники, и без него не обходилось ни одно наше конторское веселье. Он так же, как я, жил один после развода и очень остро переживал, когда кто-нибудь о нем забывал хотя бы на час. Это был не снобизм, а живое чувство – чувство необходимости рядом друга. Я уже ненавидел сегодняшнее утро и проклинал себя за то, что не оставил вчера в сахарнице хотя бы ложку сахара.

Этот воскресный день был самым длинным в *моей* жизни. Он закончился поздно ночью, когда щенок, уже изнемогая от усталости, свалился на бок в углу комнаты. Накрыв его старой джинсовой курткой, я добрал до дивана и, не раздеваясь, лег на живот. Что было дальше, я не знаю, но проснулся я уже утром от неприятной сырости на лице.

Так прошел мой первый день с Рольфом.

Глава 2

Проснулся я от неприятной сырости на лице.

Не в силах шевельнуться после вчерашней битвы со щенком, я смог лишь открыть глаза и сразу увидел перед собой морду Рольфа. Он стоял на задних лапах и старательно облизывал мое лицо. Поняв, что я очнулся, он хлопнул меня лапой по щеке. Несмотря на юный возраст песика, после такого «леща» с меня окончательно слетела пелена полудремы.

– Да знаю я, знаю... – пробормотал я, подтягивая к подушке левую руку с часами. – Накормить, выгулять, все такое...

Рука затекла, поэтому пришлось ее переместить другой рукой.

Черт! Уже девять часов! Нужно срочно звонить Варфоломееву и Пермякову. Пока я листал записную книжку в поисках телефона Петьки, пес начал делать какие-то подозрительные вращательные движения на середине паласа. После вчерашнего я стал понимать кое-какие произвольные жесты в мой адрес со стороны пса, поэтому чертыхнулся во второй раз. Схватив Рольфа под мышку, я сунул трубку радиотелефона в карман и пулей вылетел из квартиры. Дубленку и шапку надел уже на улице.

Я слушал в трубке длинные гудки и наблюдал за Рольфом. После совершения утреннего ритуала, на который мы с ним успели секунда в секунду, пес преобразился. Его осанка стала ниже, хвост палкой повис к земле, и он, как хищник, стал рывками передвигаться от куста к кусту, что-то вынюхивая, словно собирая невидимую мне информацию. Природа брала свое. Даже щенок, попав в неизвестное дикое место, невольно старается быть менее заметным, невидимым для других. Его чепрачный окрас на фоне белых сугробов выглядел мистически, и только здесь, на улице, я понял, насколько красив мой пес.

Мой?! О чем это я? Где же ты, Варфоломей, моя надежда и спасение?

Но и в третий раз набрав номер питомника, я услышал лишь длинные гудки.

Рольф бегал по снегу, все было спокойно и выглядело вполне идиллически. Но моя старая судейская хватка подсказывала, что не все ладно и хорошо. Пытаясь понять причину беспокойства, я стал медленно, не вращая головой, вести взгляд вдоль всего двора. Это срабатывало не один раз, и я знал – как только будет обнаружен предмет беспокойства, подсознательный тормоз моментально остановит движение глаз. Главное – не вертеть головой.

Пес нарвался на кошку из соседнего подъезда и под ее шипение залетел ко мне под ноги с яростным лаем. Чем ближе он подбегал ко мне, спасаясь от кошки, тем смелее и наглее звучал его лай, а уже забившись ко мне под ноги, Рольф стал демонстрировать чудеса героизма. Он делал яростные рывки в сторону спокойно стоящей и смотрящей на него, как на слабоумного, кошки и рывками возвращался обратно, мне под ноги.

«Держите меня всемером, иначе я ей морду набью!..»

Сам того не понимая, щенок очень удачно мне подыграл. Присев над ним и потрепывая его за уши, я уже свободно, исподлобья обозревал окрестности. Мой взгляд тупо уперся в «Фольксваген-Пассат» цвета гнилой вишни, припаркованный в пятидесяти метрах от моего подъезда. То, что я вижу эту машину в своем дворе впервые, было ясно как божий день. Мне уже замылили глаз привычные: «Нива» пенсионера МВД, бывшего начальника паспортного стола Капустина; «Волга» рыбного магната Крохи (начинал с удочки и десятка карасей); полу-сгнившая, но продолжающая наматывать километры на спидометр «Победа» и «Блюберд» из семейства «ниссанов», принадлежащий бизнесмену Мильникову. Он с надоедливой постоянством приходит ко мне два раза в месяц для составления исков в суд. Бизнесмены – наивный народ. Они свято верят в то, что с ними вовремя рассчитаются за пятьдесят тысяч тонн угля, и под эти деньги уже заключают новый договор на поставку из Таджикистана такого же объема яблочного повидла. Когда вместо денег им присылают из Кузбасса драповые пальто, а братьям

из Таджикистана по вполне понятным причинам пальто не нужно, особенно в июне (у них в июне пальто очень плохо раскупаются), бизнесмены бегут к адвокатам, а Мыльников бежит ко мне. Он экономит пятьсот рублей на адвокате, так как исковое заявление ему в устной форме составляю я. Но он совершает ошибку. На пиве «Туборг» и корюшке для меня он тратит в два раза больше. Но это его дело. Мое же дело – убедиться в том, чтобы суд, где рассматривается его дело, находился не в нашем городе. И еще – чтобы Мыльников ни разу нигде не трепанул, кто ему составил иск. Иначе помогать ему меня в дальнейшем не заставит ни контейнер с семьей, ни вагон с «Туборгом». Извини, брат. У тебя слово купца, а у меня – присяга судьи.

Так вот у тех, кто проживает в моем дворе, никогда ранее не было и ни у кого нет во владении (а я бы об этом узнал первым от Иваныча) «Пассата» темно-бордового цвета. К кому-то приехали в гости? Исключено. Три силуэта сидят в салоне неподвижно уже полчаса. Более того, у меня уже стало зарождаться неприятное ощущение, что они наблюдают именно за мной.

Я снова вынул из кармана трубку и набрал телефон конторы. Пермяков был уже на работе и, судя по голосу, «лечился» он сегодня утром явно не таблетками «алка-зельтцер». Вместо него трубкой завладел Вадим Пашенко.

– Антон! Здорово! Давай подъезжай! Мы тут уже, это...

– Вадик, остановись. Я подъеду чуть позже, а сейчас...

– Давай, все бросай и мчись в прокуратуру. Лучше, если окольными путями. А то потом твой «новый» шеф, или мой «старый», маршрут проследит, потом делов будет.

Времена идут, привычки не меняются. Только не нужно о них говорить по телефону. Значит, и Вадим подшофе.

– Очень хорошо. Я подъеду. Но сейчас у меня вызрела одна проблема. «Пробей» мне номер одной машины. Я трубку отключать не буду.

По тому, какая в трубке наступила тишина, и по последующему вопросу Пашенко: «Ты на улице, что ли?» я понял, что «лечение» ему пошло на пользу. Я, в свою очередь, смог разобрать по шумам лишь хохот Кольки Рехтина и приглушенный басок Валерки Куст – моих коллег по прокуратуре. Вся немногочисленная компания была в полном сборе. Вся, кроме меня, что по ныне действующим нашим законам было уже неправильно. Остальные – непосвященные. Так было, есть и будет. Есть «посвященные», испытанные временем и дорогами, а есть просто хорошие люди. Но теми же параметрами не испытанные.

– Угадал. Я на улице.

– Давай номер, – вздохнул мне в ухо Пашенко. – Номер я, конечно, пробью, но если через час ты не появишься...

Номер на таком расстоянии определить было сложно, поэтому я поднял с земли сучок и поднес к морде Рольфа. В соответствии с моим планом я должен был бросить сучок в сторону «Пассата» и, таким образом, пока пес будет его грызть, подойти к машине поближе.

Черта с два.

Маленькая бестия одним щелчком челюстей перешибла сучок, как ножницы – нитку. Пришлось искать другой. Трубка что-то забормотала. Я поднес ее к уху:

– Что?

– Я говорю, ты что там, уснул, что ли?

– Сейчас...

Наконец я подошел к машине ближе и, пока Рольф перемалывал ветку, пробубнил в телефон:

– Три-пять-два. Наш регион.

– Через пять минут перезвоню. Ты со своей трубки звонишь?

Да, Пашенко соображал хорошо.

Уже засовывая трубку в карман, я увидел, как Рольф бросился к машине. Естественно, не к машине, а в ее сторону, но этого мне вполне хватило для того, чтобы понять, по чью душу

прибыл «Фольксваген». Задняя дверца авто наполовину распахнулась, когда Рольф пробежал мимо, и на землю уже почти опустилась нога, обутая в лакированный ботинок. Но сидящий рядом резко дернул выходящего за плечи. Дверца громко хлопнула. Нога исчезла.

Вот теперь, кажется, ясно.

Рольф.

В моей голове отчетливо всплыли воспоминания о моем неожиданном во всех отношениях посещении рынка и прямо перед глазами, как из кусочков мозаики, материализовалась лоснящаяся рожа «быка». «Твоя – моя...». Простить не может, что ли?.. Так кто ему нужен – Рольф или я? Или – оба сразу, чтобы и рыбу съесть, и кости сдать?

– Рольф, а ну-ка, пойдем домой!

Щенок, играясь, подпрыгнул на месте, как ужаленный, и, ужасно косолапя, пулей полетел к подъезду. Было удивительно, но он бежал именно к моему подъезду, хотя он из него всего раз выходил и единожды был в него занесен.

Захлопнув за собой дверь, я тут же ее приоткрыл и посмотрел в образовавшуюся щель. «Пассат», неслышно урча двигателем, уезжал со двора. Вот теперь точно все понятно. Следопыты недоделанные...

* * *

Пока мой овчар выедал из очередной банки «чаппи» ее содержимое, я курил и разглядывал его раздувающиеся с каждой минутой бока. Было над чем подумать. Минуту назад позвонил Пащенко и сообщил, что номер «три-пять-два» принадлежит автомашине «Газель» цвета «белая ночь». Буквы в номере совпадали. Можно было, конечно, предположить, что Вадим между «первой и второй», да еще и на «свежие дрожжи», попутал масти, но это предположение не имело под собой никаких оснований. Зная Пащенко много лет, я могу твердо сказать, что он может с похмелья уйти от женщины в туфлях, забыв надеть носки, но уже через полчаса, сидя в кабинете прокуратуры розыска, он может без труда развязать узел на самой хитросплетенной «мокрухе». Причем, без носков и с ноющей головой. С тех незапамятных времен, когда он занял кресло прокурора той самой транспортной прокуратуры, никаких видимых изменений в его поведении не произошло. Поэтому перепутать Вадик ничего не мог.

Тогда получается, что ребята из «Пассата» неплохо обо мне осведомлены, если, наблюдая за мной, даже меняют номера. Им бы, дуракам, не светиться передо мной на своей машине. Я бы вовек не догадался, что меня «ведут».

Я затушил окурок в пепельнице.

Может, «гоню»? Мало ли братков, которые по своему узколюбию считают, что, если переешать номера на машинах, они становятся чуть ли не невидимыми. И приехали они, может быть, не ко мне, а к господину Мыльникову, чтобы выяснить подробности превращения антрацита в повидло... Я утешал и уверял себя, как мог. Мол, у тебя, судья Струге, после потрясений семимесячной давности, паранойя. Мол, много возмнил о своей персоне, дескать, кому ты нужен... Мания преследования – это всегда хорошо, когда ее симптомы вписываются в происходящие вокруг события. Но чем больше я себя уверял, тем сильнее во мне укреплялась уверенность в том, что ребята приехали бить мне морду и отбирать щенка. Проверить это прямо сейчас можно было только одним способом. Увидев, как Рольф наелся и, ткнувшись плечом в холодильник, не торопясь проследовал в комнату, я решил действовать.

Первым делом я позвонил в дверь Альбины Болеславовны. После того, как я заручился ее согласием не открывать никому дверь – что бы ни происходило в моей квартире за время моего отсутствия – и никуда не звонить (у старушки была привычка по малейшему поводу беспокоить милицию), я вернулся к себе. Рассовал по карманам документы, какие-никакие, но деньги, вложил «газовик», невероятно похожий на ПМ, в кобуру и вышел из дома. Если меня

кто-то «пас», то он обязательно отметит, что я вышел из дома с большой сумкой через плечо. К моему великому изумлению, проверка моих догадок не заняла более пяти минут.

Через сотню метров от моего дома меня догнал «Пассат» цвета гнилой вишни и из него на ходу выскочили двое молодцев. Их лица не были обезображены интеллектом, поэтому я без подсказки догадался, что сейчас произойдет. А произошло следующее. Первый из подбежавших врезал мне в солнечное сплетение так, что я сразу увидел себя со стороны. На мне был белый, до пят, саван и нимб над головой. Потом я почувствовал удар в челюсть. Ощущение было такое, что надо мной раскрылся купол парашюта и меня от этого подбросило вверх...

Наверное, потом было еще что-то, потому что, когда я открыл глаза, не было ни «Пассата», ни сумки. В голове у меня искал мед целый рой пчел, а перед глазами танцевала «польку-бабочку» сотня фиолетовых мотыльков...

Глава 3

– Очнулся? – спросил меня женский голос.

Я повернул голову и только сейчас сообразил, что мой затылок покоится на чьих-то коленях. Черт! Этого еще не хватало. Я с трудом встал сначала на четвереньки, потом вытянулся во весь рост. Это действие напоминало ускоренный эволюционный процесс превращения земноводного в человека. Отряхивая пьяными движениями брюки и пряча разбитое лицо, я спросил:

– Они давно уехали?

– С минуту назад. Они у вас собаку украли?

Я удивленно поднял глаза на женщину... девушку. Хороша!

– Почему вы решили, что собаку?

– А тот, что был за рулем, крикнул, чтобы эти двое, которые вас били, скорее хватили сумку со щенком и сели в машину. Они что, правда у вас собаку украли?

– Украли... – раздраженно выдавил я, сплевывая на землю ступок крови. – Это не кража, красавица. Это – разбой.

Представив, как, отъехав с километр от места моего избияния, трое придурков расстегнули сумку и сейчас вытаскивают из нее восемь томов из полного собрания сочинений В.И. Ленина, я усмехнулся:

– Хрена лысого они у меня украли, а не собаку!

В этот момент я понял, что пора убираться с этого места. Пора, потому что знал, где сейчас находится троица на «Фольксвагене» и куда поедет после.

– Слушай, – обратился я к девушке, – мне пора уходить. Спасибо, что позаботилась обо мне.

Я развернулся и направился во дворы, подальше от дороги. Нужно было где-то переждать пару часов.

– Парень! – позвала она. – Давай, я тебе помогу до дома дойти. Ты же еле идешь!

– В том-то и дело, что мне нужно подальше от него держаться. Да и ты уходи отсюда, пожалуйста. И желательно, *если тебя видели со мной* – в другую страну. Так тебе будет лучше...

– Пойдем со мной. – Она подошла ко мне и потянула за рукав. – Пойдем.

– Куда – пойдем?! – Я рывком освободил свою руку. – С ума сошла? Я тебе говорю – убирайся отсюда!

– Вон моя машина. – Девушка показала на стоящую недалеко «восьмерку». – Там тебя никто не найдет. А я тебе пока губу подлечу и кровь сотру. У меня аптечка.

Я провел рукой по лицу. Действительно, кровь была в изобилии. Только почему-то она быстро засохла. Ладно, предложенный ею вариант – лучший из возможных. Ходить по дворам с рассеченной губой и кровью на лице мне не улыбалось. Еще не хватало, чтобы кто-то сделал логичный вывод о том, что судье Струге за его профессиональную деятельность рожу бьют. Факта, что я валялся в таком виде на виду у всех, я почему-то тогда не устыдился. Очевидно, еще не отошел от нокаута. Точно такое же состояние собственного наива я испытывал почти год назад, когда «законник» Овчаров одним ударом слева едва не оторвал мне судейскую голову.

Мы подошли к машине, и, пока мой ангел-хранитель открывала дверцу, я услышал бормотание старушки, сидящей на лавочке около подъезда:

– Наконец-то парня подняли. Столько лежать-то...

Эх, бабулька! «Столько лежать-то...» Для тебя и минута – вечность.

– Садись! – приказала прекрасная незнакомка, хлопнув ладошкой по сиденью рядом с собой. – Раны зализывать будем.

Я лихо, насколько позволяла разбитая голова и отбитая грудь, заскочил в машину и... тут же из нее выскочил, забыв про боль и головокружение. Вслед мне несся дикий рык какого-то зверя и веселый смех девушки.

– Да садись ты, не бойся! – Кажется, ей на самом деле было смешно. – Это – Люк, мой мастиф. Он, во-первых, очень боится посторонних, а во-вторых, он в наморднике!

– Я больше доверюсь второму, – пробормотал я, еще не остыв от притока адреналина. – Его пасть действительно похожа на люк. На канализационный. И так же пахнет...

Она опять рассмеялась, глядя, как *животное* – больше я его никак не могу назвать, – лениво кладет мне голову на плечо.

– Вот видишь! Ты очень понравился моей собачке.

– Собачка... – недоверчиво бурчал я, пытаюсь сдвинуть стокилограммовый череп со своего плеча. – Это не собачка. Это бегемот какой-то. Слюнявый.

Девушка перегнулась через сиденье, пытаясь достать аптечку. Ее упругая грудь, туго обтянутая тонкой водолазкой, почти коснулась моего лица. Было удивительно наблюдать за ее действиями, так как я точно знал, что с переднего сиденья достать аптечку, лежащую на задней панели, невозможно. Видимо, это же самое поняла и она. Рассерженно откинув вперед спинку, она проникла в салон с улицы и, наконец, передо мной появилась черная пластмассовая коробка.

Через минуту, когда кровь была стерта и рана обработана, выяснилось, что моя верхняя губа рассечена почти до носа. Если я не хочу остаток жизни проходить с «заячьей губой», нужно срочно ехать в поликлинику и накладывать швы. Время играло на меня, поэтому я дал согласие отвезти себя в больницу. Я уже и не помню, какое по счету боевое ранение, связанное с профессиональной деятельностью и своим характером, я получил.

Я ехал, болтаясь вперед-назад и вправо-влево (мой ангел-хранитель, по-моему, только вчера сел за руль), и постоянно думал о Рольфе. Интересно, как сейчас чувствует себя маленький хулиган? Наверное, хорошо. Разодрал в квартире все, что находится ниже двадцати сантиметров от пола, нагадил, где только можно, и сейчас или воеет, или спит. Лучше бы спал, иначе всему, что я задумал, грозит провал. А еще я думал о квартире. О своей квартире. Сейчас она наверняка напоминает дом старого раввина после махновского налета. Трое дебилов, не найдя в сумке щенка, естественно, подумали, что единственное место, где тот может быть, – квартира. Моя квартира. Но Струге не пальцем деланный. Струге отнес Рольфа Альбине Болеславовне.

Теперь уже не было сомнений в том, что я кому-то испортил настроение. Мною решили заняться всерьез. Подтверждением тому была ноющая боль в голове. Вот и проверил правоту своих догадок. Честно говоря, я знал, что произойдет нечто похожее, но не думал, что *настолько* похожее...

В больнице мне наложили три шва, порадовав известием о том, что губа рассечена не насквозь. Пока это единственная хорошая новость за сегодняшнее утро. От новокаиновой блокады левая сторона лица опухла, как у шарпея, и Люк меня принимал уже за своего. Его гигантская голова не покидала моего плеча, поэтому, разговаривая с девушкой и по привычке поворачивая голову налево, я лишь утыкался носом в морду мастифа. О девушке я пока знал немного. Зовут ее Виолетта – очень «распространенное» имя в средней полосе России. Сокращенно – Виола. После окончания медучилища в Брянске она приехала в мой город поступать в медицинский институт.

– Где ты, говоришь, живешь? – прошепелявил я, в очередной раз сдвигая череп убийцы слонов в сторону.

– У тетки. Это же рядом с твоим домом, на соседней улице. – Виола отвела взгляд от дороги и посмотрела в мою сторону. – Я же тебе говорила.

– Послеоперационный криз. Потеря памяти. Куда мы едем?

Девушка снова, но уже с тревогой, бросила взгляд в мою сторону.

– Да что с тобой?! Ты же сам сказал, что тебе нельзя домой! Мы просто жжем бензин.
– А-а... – облегченно вздохнул я, разворачивая к себе боковое зеркало заднего вида.

Да, видок у меня, прямо скажем, неважнецкий. Слава богу, грудина не сломана. Господи, разве можно так живых людей бить! Больно же! Мое самолюбование в зеркале прервала девушка.

– Антон, а почему эти негодяи хотят у тебя кобеля забрать?

Я застопорил взгляд, глядя на свое отображение.

– Не знаю... Наверное, он им слишком понравился.

– И из-за этого так избивать его хозяина?! – возмутилась Виола.

– Наверное, *хозяин* им слишком не понравился.

Она снова посмотрела на меня.

– Антон, ты хорошо себя чувствуешь?

– Я себя никак не чувствую. Голова, как африканский бубен.

– Ничего удивительного. Что ты хотел после укола анестетика в голову? Прими обезболивающее. В аптечке есть кетанов.

– Не люблю химию. Лучше буду страдать.

– Ну и страдай!

Некоторое время мы ехали молча. Она вела машину, я не отрывал взгляда от зеркала.

– Может, поедem и заберем твоего щенка?

Предложение было разумное, но уже неприемлемое для меня. *Уже* неприемлемое...

– Виола, – попросил я. – Можно я за руль сяду? Казаку, чтобы вылечить недуг, нужно на коне по степи промчаться. Может, и мне стоит попробовать?

Девушка недоверчиво покосилась на мой пластырь, закрывающий чуть ли не половину лица. Тем не менее она сбросила скорость, стала притормаживать и только после остановки спросила:

– А ты сможешь?

– Элементарно. Я же не буду гнать, как ты.

Я соврал. Как только мы поменялись местами, «восьмерка», визжа проворачивающимися колесами по льду, рванулась с места.

– Осторожно! – закричала Виолетта, видя, как задок машины при старте понесло влево.

– Все прекрасно! – ревел я. – Вот новый поворот!.. Что он нам несет?! По-моему – взлет!!!

«Восьмерка» оторвалась от земли и под визги Виолы и Люка перелетела через бордюр дороги. Грохнувшись брюхом на сугроб газона, она вновь почувствовала под колесами землю и снова стала набирать обороты. Поскольку я и не думал их сбрасывать, машина вырвала из-под себя две струи обледеневшего снега и понеслась по дворам. Я едва успевал на скорости объезжать веревки с белым, песочницы, похожие на дворцы Снежной королевы и деревья...

– Ты с ума сошел! – визжала девушка, округляя от ужаса глаза. – Что ты делаешь?!

– Что я делаю?! – заорал я в тон Виолетте. – Что я, мудака, делаю, а?! Наверное, Виола, я пытаюсь уйти во-о-он от той синей «Мазды»! Тебе ее сейчас очень хорошо видно в зеркало. Ты не поверишь, но мне эта тачка очень не нравится! И знаешь – чем? Тем, что она стояла у дома, когда я очнулся у тебя на коленях! Тем, что она стояла у больницы, когда ты меня оттуда увозила! Тем, что она уже дважды пересекла сплошную линию, то есть дважды нарушила правила в том же месте, что и ты!

– *Нас преследуют*?! – закричала девушка не своим голосом.

– Ага, – ответил я, на скорости выезжая на междугороднюю трассу. – Подлецы какие-то. Ты, случайно, не знаешь кто?.. Ой, менты. Пристегнись, родная.

Обдав ветром молоденького сержанта, который и палку-то не успел толком поднять, я промчался мимо стационарного поста ГАИ. Последнее, что увидел сержант, были дикие глаза черного мастифа.

После ухода с должности федерального судьи и до назначения на должность мирового, я трижды на чужих машинах пытался «уходить» от ГАИ. Из них дважды я был пойман и жестоко нравственно третирован. Кто я в прошлом, эти ребята знали очень хорошо, поэтому с глубоким удовлетворением отыгрывались на теперь уже беззащитном Струге. Сейчас я снова слышал за спиной сирену, но не она меня пугала. Если я буду задержан ими сию минуту, представляю, какое дикое разочарование их постигнет. Но я не горел муками «мести». Меня пугала схожесть характеров моего и сержанта. Мы оба были упрямы до неприличия, и я бы на месте инспектора уже начал вести прицельный огонь из табельного ПМ. Нет ничего более глупого, как «уходить» от ГАИ по междугородней трассе. Но и устраивать полемику посреди проезжей части не имело смысла. *Я уходил не от милиции, а от людей в иномарке, преследующих меня.* А еще минута, и они меня достанут. Пора было принимать решение...

Сбросив скорость, я подпустил бело-голубую «шестерку» метров на тридцать и под истошный вопль Виолы развернулся на сто восемьдесят градусов. Проезжая мимо сержанта, я услышал только последнее слово из фразы, которую он произносил в громкоговоритель. Оно звучало так – «СУКА!...».

Въезжать в город, где меня «накроют» уже через пять минут, было бы глупо. Поэтому я свернул к лесополосе. Перестроился в «мертвую зону» – пространство между двумя рядами деревьев. Еще через пять минут, выкатываясь из лесополосы и въезжая в лесок, я стал успокаиваться. Когда через километр показалась полоска реки и мы съехали к берегу, я понял, что мой счет с ГАИ сравнялся. 2: 2.

Выходя из машины, я скосил глаза на Виолу. Та сидела бледная как смерть, уставившись в лобовое стекло невидящим взглядом. Я проверил защиту двигателя. Погнута. Неудивительно. Зашел сзади. Резинка на выхлопной трубе разорвалась.

– Виолетта, принеси какую-нибудь тряпку или кусок проволоки!

Она подошла ко мне молча и медленно, как зомби. В руке у нее был носовой платок... Ох, женщины! В багажнике я разыскал моток алюминиевой проволоки и, пачкая руки и брюки, примотал глушитель. До СТО доехать можно запросто.

– Пойдем, водичку на руки польешь, – предложил я, взяв ее за руку.

Но она никак не могла отойти от ралли. Очевидно, ни она сама, ни те, кого она знает, так по дорогам не ездят.

– Ты – сумасшедший... – Это все, что она смогла выдать.

Мне такое ее состояние было совершенно не нужно. Сейчас я хочу видеть перед собой человека, способного реально оценивать ситуацию и делать правильные выводы. Набрал в пригоршню воды из пластиковой бутылки минералки, я бросил ей в лицо. Брызги попали в нос и глаза. В глаза – болезненно, в нос – неприятно. Через мгновение она пришла в себя и зашлась в крике. В ее скоростном монологе не было только матов, все остальное, особенно применяемые ко мне прилагательные, были в изобилии. Врезать ей, что ли?

Мы подошли к машине, и я откинул вперед спинку сиденья.

– Люк! Иди гуляй...

Мастиф не заставил себя ждать и вывалился из нутра салона. За ним волочился поводок. Я пошел за ним и, как только он остановился возле дерева, чтобы его полить, поднял поводок и намертво привязал ремешок к ветке. Виола с удивлением наблюдала за моими действиями. Дернув поводок и убедившись, что пес сможет отойти от дерева только с самим деревом, я сел на капот машины и закурил.

Виолетта подошла ко мне, скрестив на груди руки. Я смотрел на воду, а она на меня. Наконец, она не выдержала:

– Антон, что все это значит?

В ее глазах было удивление. Удивление и ничего больше. Она не знает меня и двух часов, и на ее месте, когда собака – единственная защита, не может ей помочь, если случится непред-

виденное, я бы маленько испугался. А если я ее сейчас начну насиловать? Но она этого не боится. Значит, есть что-то, что не позволяет ей меня бояться.

– Что все это значит, Антон? Зачем ты привязал Люка?

Я щелчком отбросил сигарету в сторону.

– Зачем *вам* нужен мой щенок?

– Ты спятил? – изумилась девушка. – О чем ты говоришь?

– Брось... – Я чувствовал, что морщусь от неприятного чувства. Это чувство приходит всегда, когда понимаешь, что тебя держат за идиота, которому можно плести что угодно и он поверит. – Брось. Я под новокаином, а не под кокаином. Хочешь еще покататься? Сейчас покажемся. Только синюю «Мазду» найду в городе. Вот уж от души погоняем! Говори, пока отходняки после обезболивающего не начались. Я тогда сразу стану нервным и непредсказуемым.

– Антон... – застонала девушка. – Антон, я не понимаю, о чем ты говоришь. Я только хотела тебе помочь...

Это могло продолжаться бесконечно, а свободного времени у меня не было ни минуты. Соскочив с капота, я на ходу достал из кобуры «ПМ» и подошел к дереву, к которому был привязан мастиф. Этим «оружием» Люку можно было лишь прочистить ухо. Но появление пистолета произвело на хозяйку собаки-убийцы магнетическое действие. Она не сводила с него глаз.

– Ты любишь своего пса?

– Да... Что ты хочешь делать?!

– Виола, я сегодня очень занятой человек. Терпеть не могу, когда мне врут! Кровь не запекается за одну минуту! Я лежал после нокаута минут десять! Этого времени хватило, чтобы понять, что в сумке нет собаки. Естественно, после этого вы метнулись в мою квартиру, думая, что я оставил пса дома. Обыскав ее, вы поняли, что у меня дома собаки тоже нет! И все это время я валялся на земле! До меня только потом дошел смысл слов бабки на скамейке, когда та сказала: «Слава богу, парня подняли, столько валяться-то!»! Она все видела. И разве я тебе называл пол собаки, а, Виола? Или кто ты там еще? А ведь ты меня спросила, зачем, мол, эти негодяи хотят у меня *кобеля* забрать. Почему не *суку*? Тебя просто подставили для меня. Дуру. Тьфу!.. Неужели ты думаешь, что я тебе сказал бы, где щенок, и мы бы туда поехали? Из двух последних часов только первые пятнадцать минут я мысленно благодарил тебя за бескорыстную помощь. – Я перевел дух и сплюнул себе под ноги розовую слюну. – Одним словом, если через секунду после вопроса ты не начнешь говорить правду, я прострелю эту огромную, уже почти понравившуюся мне собачью башку. Другого выхода у меня нет. Итак, зачем вам нужен мой Рольф?

– Это не Рольф! Не Рольф он! Чертов ты придурок...

Как это – *НЕ РОЛЬФ*? Я опешил. Это что еще за новости? Весь мир сошел с ума? Или я все еще иду за сахаром, а завтра – снова понедельник?

– Объясни.

Виолетта сползла на землю и наклонила голову. Длинные белокурые волосы золотым водопадом скатились по ее плечам и упали, закрыв лицо.

– Придурок чертов...

– Это не объяснение. – Я снял предохранитель и загнал патрон в патронник. В случае следующего отказа говорить правду, все, что мне останется, это отвернуться в сторону и пукнуть из «газовика» с подветренной стороны. Чтобы себя же не отравить. После этого останется искать какую-нибудь оглоблю, чтобы начинать бить ни в чем не повинного Люка. Опыт подобного общения я приобрел в период локальных стычек с Пастором и Тимуром...

– Стой!!!

– Стою.

Девушка устало поднялась, шатаясь, подошла к машине и стала рыться в бардачке. «Ствол» ищет, что ли? Застрелиться или меня застрелить? Так ведь – не успеет.

Но Виолетта достала пачку «Мальборо» и закурила.

– Это не Рольф.

– Ласточка, может, на тебе какую-нибудь кнопку нужно нажать?

– Кличка щенка – Маркус фон Штефаниц.

– А поподробнее?

– Ты собаками интересуешься? – Девушка подняла на меня уже спокойный, отрешенный взгляд. В ее зеленых глазах светилась безысходность. Как перед расстрелом после зверских пыток.

– С сегодняшнего утра. А после удара в челюсть – просто с ума схожу, как интересуюсь.

– Знаешь, когда впервые появились немецкие овчарки?

– Знаешь, через сколько секунд после выстрела в затылок издохнет Люк?

– Не нервничай, – обеспокоенно попросила девушка. – Я хочу, чтобы ты понял все с самого начала, иначе мне не объяснить тебе ничего!

– Хорошо, – согласился я, пряча пистолет в кобуру. – Только давай уложимся в десять минут, иначе я его снова достану. Как ты понимаешь, мне нужно ехать к Рольфу.

– Тебе им не владеть... – прошептала Виола.

– Почему это?

Придавив недокуренную сигарету каблуком, она вздохнула и, наконец, заговорила:

– Считается, что немецкая овчарка, как порода, впервые выведена в конце девятнадцатого века Густавом Эмилом Фредериком фон Штефаниц. Длинношерстную овчарку он впервые показал в 1884 году на выставке в Ганновере, а гладкошерстную – в 1892-м, в Берлине. Так считают все. Точнее – так принято считать.

– Давай поближе к Рольфу.

– Поближе – не получится. Будет, скорее, наоборот. Историю хоть знаешь? – Она недоверчиво покосилась на меня.

– Историю – знаю.

– Что такое «немецкая слобода»?

– В шестнадцатом – семнадцатом веках на Руси – часть города, где жили иностранцы.

– Правильно. – Теперь ее взгляд можно было истолковать, как удивленный.

– Я знаю. Поближе к Рольфу.

– Хорошо. Так вот, немецкая овчарка была впервые выведена в 1630 году дальним предком Густава Штефаниц – Фредериком. С того времени и идет из поколения в поколение помет первой немецкой овчарки, или, как ее еще называют, восточноевропейской. Имя первого кобеля – Маркус. Так он был наречен женой Фредерика Штефаниц – Алисией. Всех кобелей в роду называют Маркусами. Сук – Мильен Ди. К имени добавляется приставка – Штефаниц. Вот почему твоего Рольфа зовут Маркус Штефаниц.

– И за это мне разбили морду?

– Нет, не за это. На третьем помете Маркуса и Мильен Ди производитель заметил высокий интеллект собак. Производя дальнейшие наблюдения, Фредерик Штефаниц понял главное – если не смешивать кровь с другими собаками аналогичной породы, интеллект собак возрастает с каждым новым пометом. С этого момента ученый изолировал собак от окружающего мира, создав им аналогичный мир в слободе. Когда он понял, что более в слободе города Пскова удержать в тайне свои планы не удастся, он покинул Россию и уехал в Германию, увозя с собой Маркуса, Мильен Ди и двух щенков – суку и кобеля. В Ганновере он откупил на последние средства небольшой домик с угодьями и принялся реализовывать свой план. После смерти в 1639 году Маркуса и в 1641-м – Мильен Ди, их место заняли новые Маркус и Мильен – их дети. Для того чтобы предотвратить смешивание с другими породами и аналогичными, но не

их рода, Фредерик Штефаниц принимает жестокое, но, по его мнению, оправданное решение. Через месяц после рождения щенят уничтожаются все, за исключением одного кобеля и одной суки. Целью Штефаниц не было разведение и увеличение новой породы собак. Он стремился создать собаку, равную по разуму человеку. Стандартная ошибка того времени. Из невозможного сделать реальное. Собачье поколение Штефаниц – на самом деле высокоразвитое и сильно отличаются от себе подобных. У них исключительное обоняние, великолепная память, и они чуть ли не близки к тому, чтобы делать выводы. Вот так.

– И что, совершенно никто не знал, чем занимается Фредерик Штефаниц? – усомнился я.

– Никто. Вскоре после смерти собак – основоположников породы, умерла Алисия, а бедный Фредерик через десять лет тронулся умом, когда понял, что ему не хватает жизни для достижения цели. И только через триста с небольшим лет Густав Эмиль Фредерик, пряча от всех секрет предка, параллельно вывел аналогичную породу и объявил ее первоначальной. Но кровь Маркуса не смешалась еще ни с чьей. У тебя – его потомок. А в Ганновере сейчас находится его сестра – Мильен Ди. Теперь понятно, за что тебе набили морду?

– Нет, не понятно. Собаку я купил за двести рублей у какой-то алкашки на рынке. Если о твоём волшебном Маркусе четыреста лет не догадывались в Германии, то как его нашла в России русская алкоголичка? У меня что-то мозгов не хватает проследить логическую цепь...

– Где же тебе хватит?! Четырехмесячного щенка кормить «чаппи» для взрослых собак...

– А-а-а... Ты тоже в квартире побывала? Баночки нашла? Телевизор хоть целый?

– Нет, разбили.

– Все, хана твоему бульдогу. – Я снова поднялся на ноги.

– При чем здесь Люк?! – заплакала девушка. – Это Енот разбил со злости!

– А на хера было енота с собой приносить?!

– Енот – это тот, который тебе губу повредил! – Виола смотрела на меня жалобными глазами. – Не делай больно Люку. Пожалуйста.

– Ничего себе – «повредил»! Ладно, давай дальше.

Девушка быстро вытерла слезы.

– Месяц назад в питомнике Штефаниц была совершена кража. Вместе с ценными вещами был украден компьютер со всеми записями, касающимися Маркусов и Мильен Ди. Маркуса прихватили, видно, случайно. Это подтверждает тот факт, что он был продан какому-то русскому эмигранту за пятьдесят евро.

– Откуда это известно?

– Штефаниц наняли частных детективов за бешеные деньги. Неделю назад эмигранта нашли мертвым у себя дома. Щенок пропал. На его след детективы вышли, уже будучи в России. Они и сейчас здесь. Похитители щенка скрылись, поняв, какую опасность для них представляет Маркус. Но, очевидно, на вокзале они проглядели, и тому удалось улизнуть. Скорее всего, там, на вокзале, его и нашла твоя алкашка. И продала тебе.

Я слушал ее, не веря собственным ушам.

– А дальше?

– Дальше – больше. Штефаниц объявили награду в триста тысяч евро тому, кто вернет Маркуса.

У меня перехватило дыхание.

– Триста тысяч – премия... Сколько же стоит щенок?!

– Речь идет о пяти-шести миллионах долларов.

Видя, как я впал в ступор, Виола пояснила:

– Он ценен, пока существует. Умрет Маркус – умрет трехсотпятидесятилетний труд. Десять дней назад скончался отец Маркуса. На твоём Рольфе замкнулся род Штефаниц, Антон.

Я присел рядом с ней, и мы закурили.

– Хорошо, Виолетта, тогда у меня еще один вопрос. Как вы вышли на меня и кто вы вообще такие? Мне же нужно знать, за что вас убивать.

– Люди, которые мне помогают, – ваши, российские субчики. За двадцать тысяч евро они, кажется, маму родную продадут. Впрочем, таких ублюдков хватает и у нас, в Германии.

– У вас, в Германии?

– Да, именно там. Я один из тех самых частных детективов, которых наняли Штефаниц. Удивляешься, почему я так хорошо говорю по-русски? А я и есть русская. Специалист-консультант по России в детективном агентстве «Брюгер».

– Коллега, значит? Что ж ты так паскудно работаешь? Паскудно и непрофессионально. Думаешь, как девочка-припевочка из пионерского хора, а поступаешь, как отъявленная нацистка. Меня ведь и убить могли твои помощники. А за это у нас суд приговаривает. К различным срокам.

– Я знаю, кто ты. Извини, я не думала, что все так получится. Ты не судья, а прямо монстр какой-то. Думала – пугнем, да и все образуется.

– Я тебе потом скажу, как у нас с тобой образуется. Ладно, проехали... Придется задать еще несколько вопросов. Первый – тот же. Как вы на меня вышли?

– Планомерно прочесывали все дворы рядом с вокзалом, справедливо полагая, что люди с чемоданами, следующие далеко, щенка с собой не возьмут.хлопотно. Если подберут, а в этом я не сомневалась, то подберут местные, живущие неподалеку. Рядом был рынок, и я вчера там побывала. Когда мне рассказали о случившемся и показали направление, куда ушел человек, купивший щенка, я достала из сумочки визитку, которую мне на выставке в Дрездене дал один заводчик немецких овчарок. Ваш, кстати, местный. Он мне оказал услугу, выделив на пару дней троих молодцев.

– Врезать бы тебе, как следует...

– А что мне было делать, когда я узнала, что человек, купивший щенка, отметелил какого-то бугая?!

– И что?! Тебе сейчас легче?

– Нет, не легче.

– Ведьма немецкая. Но как ты меня-то нашла? Почему вы пасли во дворе на своем «Пасате» именно меня?

– А ты у своего соседа спроси. Смотрю, идет мужичок с кошелками. Из кошелок бутылки пустые торчат. Я возьми да спроси – мол, не знаешь, кто тут недавно щенком обзавелся? И достала две купюры по сто рублей. Через секунду уже знала, где ты живешь. Правда, сутки почти перед домом простоять пришлось, прежде чем не убедилась, что щенок – Маркус.

– Вот, Иваныч, сука! – вылетело из меня, как струя из брандспойта. – Он меня продал за столько же, за сколько я собаку купил! Ну, и что ты сейчас будешь делать, Виолетта?

– Антон, я думаю, что тебе лучше будет, если ты вернешь мне щенка и я увезу его в Германию. Да, и для щенка тоже... Я заплачу тебе сто пятьдесят тысяч. Ровно половину награды.

– А ты не хочешь отказаться от этой идеи и вернуться назад?

– Исключено. Я уже получила половину суммы.

– Отдай обратно.

– Не знаю, как у вас, а в Германии я сразу поставлю этим крест на карьере частного детектива.

– При таком отношении к делу, как у тебя, крест тебе поставят в России. Ты что думаешь, тебе отдадут щенка эти дегенераты? А, «специалист» по России? Эти добры молодцы во главе с дрезденским другом заберут у тебя сначала двадцать тонн евро, потом твой аванс – сто пятьдесят, затем – машину, а после отвезут за город, на какую-нибудь дачу, там засунут в попу плейку для волос и включат прибор в сеть. Через минуту ты сама им расскажешь, как лучше доехать до Ганновера, каким рейсом и где там найти герра и фрау Штефаниц. И в то

время, когда они будут пить ром на Каймановых островах, ты будешь кормить сомов на дне ближайшей речки. Тут среди бандитов нет Робин Гудов, тут среди бандитов – одни отморозки. Ферштейн, фройляйн Виолетта? Теперь понятно, почему судьям на Руси жить тяжело? А ты – «припугнем, и все образуется»... Из-за таких дур, как ты, и приходится потом сидеть судье сутками в совещательной комнате да ломать голову – какой приговор вынести человеку за разбой, изнасилование, убийство, угон автотранспорта, совершенные одновременно! Это у вас судья в бассейне поплавает, виски шибанет, присяжных послушает да «втетерит по самые помидоры» – пятнадцать пожизненных заключений! Если на пару-тройку ошибется, его все простят!

Я выплюнул в сугроб доселе торчащую из моего рта сигарету и рявкнул:

– Только у себя-то ничего незаконного не творите! Все к нам норовите! Финны – водку жрать, а немцы – русских пугать! Чем это заканчивается – всем известно. Историю учи, девочка, а не учебники по хирургии.

Видя, как девушка задумалась, я решил ставить точку в разговоре.

– На синей «Мазде» – твои «помощники»?

Получив утвердительный ответ, я сел в машину и захлопнул обе дверцы.

– Машину заберешь на стоянке у вокзала. До города дойдешь сама. Пять километров для бешеной собаки – не крюк. И прошу тебя, забудь про эту дурацкую идею – забрать у меня пса. Порву, как Маркус – Мильен Ди...

Я развернулся и, проезжая мимо Виолы, сказал:

– Кстати, медицинского института в нашем городе нет.

Я нажал на педаль подачи топлива. Пора забирать Рольфа и делать ноги.

Глава 4

Не было печали...

Жил себе тихо и никого не трогал.

Не совсем, конечно, тихо, и, если честно, то кое-кого трогал, но это никоим образом не связано с тем, *как* в последнее время *трогают* меня. Были и угрозы, и драться приходилось, и даже – скрываться. В жизни каждого судьи рано или поздно наступают такие периоды. Но вот только в моем случае подобные издержки профессионально выполняемой работы стали носить характер константы. Жены-изменницы грозили меня, «подонка», сжить со света, когда я вынужденно оглашал в присутствии их «папиков» границы ареала их сезонного обитания. Директора и президенты фирм – «бабочек-однодневок», созданных для того, чтобы, взяв кредит, к вечеру «умереть», задохнулись от ярости в моем судебном процессе, когда узнавали о невозможности «кидняка». Шли в другой банк, и через некоторое время все для них повторялось. Это все настолько обыденно в трудовой деятельности судьи, что хамство и угрозы начинаешь воспринимать, как обычное дело. Взятки я не брал, «договорным» никогда не был, и ко мне в кабинет никто и никогда не заходил, предварительно не спросив на то разрешения. Зарплата достойная, если судить из регулярных докладов министра труда на тех или иных заседаниях Правительства. Не скрою, по своему объему она хоть и не была Нобелевской премией, но позволяла жить безбедно. Пиво под матчи чемпионата России по футболу и цыпленка под чесночным соусом в кафе по воскресеньям я имел регулярно. Но судья, честно отработавший в СИСТЕМЕ хотя бы десять лет, все больше режет свой бюджет на неизвестные ранее цели. Те самые, о которых умалчивает министр труда. Квалифицированное лечение, дополнительный отдых и... просто человеческое к себе отношение. СИСТЕМА укрепляется, пережевывая слабых. И часто слабым является самый незащищенный от судейского произвола судья. Тот, кто не брал чужой копейки, аккуратно упакованной в пакет, и не вел масляных разговоров с людьми иного предназначения – адвокатами, прокурорами, денежными родственниками подсудимых. Часто именно они бывают незащищены, неудобны. СИСТЕМА – пылесос. Она всасывает в себя мусор и выбрасывает чистый воздух. И не забивается только потому, что ей не позволяют себя выбросить самые «чистые» из чистых.

Никто не задумывался над простым вопросом – зачем человек изобрел пылесос? Да потому что после работы веником вся грязь – налицо. И ее много. Попробуй, отдели агнцев от козлищ...

А пылесос может работать сколь угодно долго, и весь шлак можно разглядеть лишь после капитальной чистки накопителя. В быту этот процесс называется вытряхиванием мусора из мешка. По-научному это звучит, как РЕФОРМА. *Важно лишь то, КТО ее проводит и с какой целью.*

Все шло своим привычным чередом, пока в моей жизни не появился Рольф. И теперь, если враги еще не сожгли мою родную хату, то лишь по той причине, что они меня там ждали. Голову даю на отсечение – рядом с домом, во дворе, выставлен пеший пост наблюдения. Скорее всего – один человек. При моем бесшабашном появлении он тут же доложит в квартиру. Кричать оленем во время брачного периода, подавая условный знак, он, конечно, не будет. Просто передаст информацию по станции. А в квартире меня будут ждать еще двое. Пристегнут судью Струге Антона Павловича к батарее центрального отопления и, наивно обещая подарить ему жизнь в обмен на информацию о местонахождении щенка, станут «колбасить» до полусмерти. Кажется, когда-то это уже было...

Нет, им не двадцать тонн валюты нужно. Им нужен Рольф. Точнее, даже не Рольф, а процесс его обмена на пару-тройку миллионов евро. Виолетта наверняка рассказала им все. Эксперт по России, мое-твое... Дура ты, а не эксперт.

За квартал от своего дома я сбросил скорость и загнал «восьмерку» в тупик, в глубину капитальных гаражей. В одном из этих гаражей содержал своего «Блюберда» Мыльников. Я открыл багажник в надежде найти что-нибудь подходящее для предстоявшей битвы. Стрелять из «газовика» среди бела дня в собственной квартире мне не улыбалось – потом неделю проветривать. Хотя вряд ли я откажу себе в этом, если придется. Так... Набор инструментов, трос... Вешалка для одежды – очень нужная в багажнике вещь... Бейсбольной биты, клюшки для игры в хоккей на траве или, на худой конец, монтировки, чье пребывание в багажнике было бы более оправданно, нежели вешалки, я не нашел. Зато обнаружил вещицу, на которой даже на секунду не задержит свой взгляд обыватель, если будет искать оружие. Но человек, который этой вещицей пользовался или получал аналогичной по голове, сразу обрадуется. Эта вещица в ряде стран мира используется полицейскими и сыщиками в качестве ударного инструмента. Эффект – потрясающий. Двадцатипятисантиметровая дубинка напоминает собой ложку для надевания обуви, только очень толстую. Эта игрушка входит в разряд тех, которыми сразу хочется поиграть, как только они попадут в руки. И еще – это единственное, с чем приехала в Россию Виолетта отстаивать чистоту родословной Рольфа.

Интересно, чем она сейчас занимается? Бредет, наверное, со слюнявым мутантом по пыльной дороге и думает о своем пошатнувшемся авторитете частного сыщика. Пусть. Пусть идет и думает. Я ее в это дерьмо не втаскивал. И не мне должны заплатить сто пятьдесят тысяч евро. «Евро»... Язык даже не поворачивается деньгами *это* назвать. Впрочем, ей и *это* тоже не заплатят. Уж я-то расстараюсь.

Сунув дубинку за пояс, я направился к дому. Войти в подъезд незамеченным вряд ли удастся. Получается, что задачей номер один является поиск и обнаружение наружного «поста наблюдения». Я обогнул стоящую фасадом к моему дому пятиэтажку, закурил и подпер плечом угол здания. Все как на ладони. Вот площадка с детишками. «Блюберд» Мыльникова. Двое бродяг что-то распивают из полторалитровой пластиковой бутылки. Не минеральную воду. Это ясно, потому что ее не нужно занюхивать просаленным рукавом. А вот и искомое. «Газель» цвета «белая ночь» с номерами «Пассата» цвета гнилой вишни. Нет, это – артисты театра «Сатирикон»! Да простит меня Константин Аркадьевич... Сначала номер «Газели» вешают на «Фольксваген», потом демонстрируют мне саму «Газель» с этими же надоедливими «три-пять-два». Я даже не знаю, как они будут выходить из тупиковой ситуации, когда все варианты перемешивания будут исчерпаны. Остался последний – «пасти» меня на «Газели» с номерами «Пассата». А свой джип «Мазда» синего цвета с перламутровым оттенком и игрушечными боксерскими перчатками, болтающимися на зеркале заднего вида, они используют исключительно для «сопровождения» и погонь, очевидно, как наиболее неприметную машину...

Я распахнул дверцу водителя «Газели» в тот момент, когда водитель пытался прикурить сигарету. Надо было видеть его глаза в этот момент. Это были не глаза, а противотуманные фары. Я имею в виду, конечно, размер. Звук от удара дубинки по голове подсказал, что оба предмета сделаны из однородного материала. Повалившись на бок, водитель зацепил рукавом рычаг под рулевым колесом и щетки, как бешеные, стали стирать пыль с лобового стекла. Не дожидаясь, пока прозвучит глупый и неуместный в данной ситуации вопрос: «За что?», я обошел «Газель» и сел в машину.

Когда юный следопыт пришел в себя, а это произошло уже через полминуты после отключения мною щеток, его руки были стянуты «мертвой петлей» его же собственным ремнем.

– Очнулся? – повторил я вопрос Виолы.

Отроку было лет двадцать, не больше, но наши габариты, несмотря на почти двадцатилетнюю разницу, совпадали. Я даже не уверен, что вышел бы победителем из честной схватки

с этим дитем порока. Он смотрел на меня оловянными глазами и пытался вспомнить, кто он и зачем.

Времени для его воспоминаний у меня не было, поэтому я схватил его за орган слуха и произвел испытанный милицейский прием – «загиб уха за спину». Но этого оказалось недостаточно. Реакция на внешний раздражитель – нулевая.

– Ну, хорошо, давай начнем с самого начала. Готов? Повторяй за мной – «ма-ма мы-ла ра-му»...

Я, собственно, шутил, пытаюсь разговорить парня, тем более что по «противотуманкам» я понял, что он меня узнал, но, очевидно, я не рассчитал силы удара.

– Ма-ма мы-ла ра-му...

Ты это хотел услышать, судья Струге? Молодец, добился своего.

На сиденье лежала бутылка «Нарзана». Повалив парня себе на колени, я открыл бутылку зубами и залил ему в нос пенящейся минералки. *Нашатърь тут «рядом не валялся»...*

– Мля!.. Ёпт!! Бу-у-а!.. На фиг!.. Уррр... Кха!!!

Неразборчиво по форме, зато ясно по содержанию – парень пришел в себя и продолжать пить носом не желает. Гайморовы пазухи не предназначены для хранения газированных жидкостей.

– Сколько человек в квартире? – осведомился я. – Только не спрашивай: «В чьей?», иначе опять по бестолковке получишь.

– Двое... – прохрипел подрастающий бандит, стараясь дышать ртом.

– Молодец, – похвалил я его. – У тебя, случайно, в машине скотча нет?

– Есть. Сзади, на сиденье... В пакете.

– Переползай назад.

Выбросив из целлофанового пакета с изображением полуголой тетки маски из черных чулок и перчатки, я достал широкий скотч. Очевидно, все это предназначалось для борьбы со мной. А может, осталось еще с прошлой «делюги»...

Выходя через боковую дверь салона, я вспомнил о телевизоре.

– Ты – Енот?

Перемотанный скотчем водитель яростно помотал головой.

Я забрал с сиденья радиостанцию и захлопнул дверь.

Войдя в родной подъезд, я постарался не греметь металлом механического засова. На дерматине моей двери в районе замочной скважины красовался пыльный отпечаток «адида-совской» кроссовки. Повреждений снаружи не было видно, но легкий запах сухой древесины говорил о том, что все повреждения внутри. Я плохо рассмотрел тогда «молодцев» Виолетты, тем более эффект нападения визуально увеличивает рост нападающих. Это вам скажет любой психолог. Но если верить цифрам, отпечатавшимся на двери вместе с подошвой, хозяин кроссовки был одного со мной роста. У меня тоже размер кроссовок – девятый.

Эх. Все «там» будем... А мне еще нужно сберечь Рольфа.

Сделав шаг назад, я оттолкнулся спиной от стены и ударил ногой по отпечатку на двери...

Вбежав в распахнувшуюся дверь, я увидел стоящего в проходе человека. Этот человек несколько часов назад двумя ударами ввел меня в состояние глубокого нокаута. Теперь очередь была за мной. Преимущество было в том, что в моей руке была дубинка, а в его руках – булочка и кефир из моего холодильника. В тот момент, когда он бросал все это на пол, я резким ударом ноги в колено лишил его опоры. Грязно выругавшись от боли, он сделал недвусмысленное движение рукой за отворот пиджака. Уже заметив краем глаза второго молодца, я врезал дубинкой по кисти любителю чужого кефира. От дикого вопля и хруста костей, раздавшихся в моей квартире, стало немного не по себе, но воспоминание об изуродованной губе влило мне в кровь ведро адреналина. Ярость к ублюдкам, таким бесцеремонным образом вмешавшимся в мою жизнь и готовым за деньги убить человека не задумываясь, захлестнула остальные чувства.

Прерывая вопль и болевой шок покалеченного «друга» Виолы, я с силой пробил ему ногой в лицо. Так бьют по мячу «с лета». Голова бандита дернулась назад, и он мгновенно потерял сознание. Все это продолжалось секунды три, не больше. Три секунды – достаточно для меня, понимающего, что я делаю, и совершенно ничтожно для второго, который не ожидал ничего подобного. Все, до чего он смог додуматься за этот отрезок времени, это повторить ошибку первого. Попытаться достать из подмышечной кобуры пистолет, когда в метре от тебя стоит противник, – это то же самое, что прикрывать ладонью шею от падающего ножа гильотины. Преодолев за мгновение этот метр, я схватил бандита за запястье руки и ударил головой в лицо. Из обоих ноздрей его сломанного носа хлынула кровь, и второй бандит впал в состояние прострации. Пытаясь хватать обеими руками воздух, он, покачиваясь, словно пьяный, сделал несколько шагов назад и сел на пол. Его глаза, как у мертвого окуня, смотрели на меня бессмысленным взглядом.

Забрав у них оружие, которое оказалось новенькими «вальтерами» с привинченными приборами для бесшумной стрельбы, в простонародье именуемым «глушителями», радиостанции, я подтащил сначала одного, потом второго к батарее. Стараясь до поры не смотреть на разгром, царящий в квартире, я прошел к нише. Там у меня стоял миниатюрный сейф, в котором я хранил пистолет и другие полезные вещи. Сейф, естественно, был раскурочен. Щенка они там, что ли, искали?! Все содержимое металлического ящика валялось рядом. Подняв с пола наручники, я понял, что не хватает одной детали. Незначительной для любого, кроме меня.

Я старательно пристегнул двоих террористов к батарее и принялся тщательно выворачивать их карманы. Мне нужна была эта вещь. Как я мог забыть ее, уходя из дома и зная, что вскоре квартира превратится в свалку?

Наконец я нашел ее. Из бокового кармана спортивной куртки любителя чужого кефира блеснула медаль «Анатолия Кони». Моя первая и единственная награда...

– Сынок, эту медаль вручают за эффективное обеспечение прав и законных интересов личности, а не за разгром квартиры судьи.

Хотелось еще раз врезать ублюдку по башке, но я сдержал себя. Среди смятых рублей и аккуратно перетянутых резинкой долларов, водительских удостоверений и презервативов, сваленных в кучу перед двумя телами, я не мог разглядеть ничего интересного. Перевернув одного из гостей на живот, я обнаружил в заднем кармане его джинсов маленький, исполненный книжечкой калькулятор. Я машинально раскрыл его и оттуда выпала пластиковая карточка. Сначала мне показалось – банковская, но подняв ее и рассмотрев, я понял, что не прав. Это была на самом деле карточка, но не банковская, а визитная. Судя по качеству – очень дорогая. Такие раздают либо избранным, либо хозяин таких карточек, мягко говоря, не стеснен в средствах.

Мельком изучив написанное на пластике, я подумал, что ошибся. Ошибся, потому что и без того постоянно о *ней* думаю. Чувствуя, как начинает холодеть спина, что происходит со мной только в предчувствии приближающейся опасности, я медленно и теперь уже внимательно прочитал текст.

«Violetta Shtefanitz. Bremen, Germany...»

Далее шли адрес и телефоны.

Виолетта. Штефаниц!

Так вот почему легче голову сложить в России, чем потерять сто пятьдесят тысяч евро! Очередной отпрыск рода Штефаниц пытается сохранить чистоту другого рода Штефаниц! Ай да Виола! Ай, молодец-а... Эксперт по России, частный детектив с незапятнанной репутацией! Как она тебя, а, судья Струге? Развесил уши, как спаниель, и хаваешь все подряд, без разбора! Кто бы из Штефаниц доверил тайну рода во всех подробностях какому-то частному сыщику, тем более – бабе?! Ты сам подумай, Антон Павлович, голова твоя бестолковая, кто-нибудь из твоих «клиентов» в процессах добровольно посвящал тебя в святая святых? Черта с два!. Пока

к стене не прижмешь – врать будут до последнего. Даже когда врать совсем не нужно. А уж здесь – сам бог велел. Я что, нюх теряю, что ли?

Ну, что же, фройляйн Виолетта Штефаниц... В твоих действиях уже явственно просматривается *corpus delicti*. Организация преступной группы, грабеж, умышленное уничтожение чужого имущества, нанесение телесных повреждений – все то, в чем ты прямо или косвенно принимала участие. И неизвестно, до чего сможешь додуматься еще... Теперь-то мне понятно, что на достигнутом, точнее – на *недостигнутом*, ты уже не остановишься. Щенок тебе нужен, как воздух. Значит, покой мне теперь будет только сниться. Мне этот пес, вообще, не нужен, но... Но я тебе его не отдам. Даже за сто пятьдесят тысяч в инвалюте. Из принципа. Ты, Виолетта, как тот «бык» на рынке, невзирая на лица, готова запросто отнять то, что очень плохо отнимается. Не отдам. А когда все закончится, подарю Рольфа Варфоломееву. Пусть дрессирует на страх жуликам. Нет, собак, я слышал, не дарят, а только продают... Хорошо. Продам. За рубль.

Наконец-то появилась возможность осмотреть свою квартиру. Все в ней носило характер тотального обыска. Вещи разбросаны, аппаратура разбита. Чувствовалось по всему, что все было сделано от души и специально. В отместку, что их, как детей, провели с сумкой. Особенно досталось оставшимся дома томам сочинений Ленина. Так в тридцать третьем году нацисты уничтожали произведения Брехта и Маркса. Но больше всего мне было жаль телевизор. Диагональ – «семьдесят два». Я мечтал о нем всю сознательную жизнь. Для того чтобы его купить, я пять месяцев питался одной только корейской лапшой быстрого приготовления. Верите, что судья может жрать корейскую лапшу за десять рублей? Кто в это не верит?!

«Нужно взять себя в руки», – я окинул квартиру взглядом. На двери висела НЕТРОНУТАЯ МАНТИЯ.

Я сунул визитку в карман и толкнул ногой пожирателя дармового кефира.

– Подъем, мурло.

Но очнулся другой. Поняв, что он прикован, пистолета нет, а нос сломан, ярость на лице он сменил на смирение.

– Вот так-то лучше, – поощрил его я. – Долго разговаривать у меня нет ни желания, ни времени. Зачем вы меня ищете – я знаю. Кто вы такие – я знаю. Кто вас нанял – я знаю. Поэтому ни о чем спрашивать не буду. Если хотите сохранить здоровье, забудьте про меня и мою собаку. Продолжайте выколачивать «бабки» у кого-нибудь, создайте какую-нибудь фирму. На худой конец, займитесь кражами, только не вынуждайте меня делать из вас инвалидов. Это хоть и приятно, но занимает много времени...

– Ты – труп... – тихо выдавил из себя парень, осторожно ощупывая свободной рукой сломанный нос. – Ты разве не понимаешь, что теперь ты – труп?

– Ты на себя посмотри. И на соседа слева. Кто из нас ближе к трупу?

– Ты ведь понимаешь, что такое не прощается?

Я вдруг вспомнил про телевизор и рассвирепел.

– А кто из вас Енот?

Со мной никто не хотел разговаривать. Будь по-вашему, молчите. Я наклонился и поднял с пола водительские удостоверения.

– Так... Это кто? Ага, постоянно молчащий господин справа от меня. Стадницкий Альберт Наумович. И фамилия не подходит, и Алик похож, скорее, на муравьеда, чем на енота. Отпадает. – Я отшвырнул удостоверение в сторону и занялся другим. – А этот фанатик, обещающий меня убить, кто он? Читаем... Енотович Максим Егорович. Ну, что, Макся, с фамилией Енотович да не иметь погоняла Енот – практически невозможно. Согласен? Это – за телевизор.

Сделав шаг вперед, я всадил ботинок в живот Еноту. Нечестно, конечно, с моей стороны. Но после утреннего избиения и постоянного разбора ежечасно получаемой информации, я уже стал плохо разбираться в том, где честно, а где нет.

Енот отключился, а злость не проходила. Оставлять подонков в квартире было нельзя. Во-первых, обнаружить их здесь и освободить могу только я. Во-вторых, перед смертью (Енот ведь обещал...) хотелось сделать им приятное. Пока Максим Егорович с Альбертом Наумовичем искали своих мам в темных закоулках подсознания, я раздел их догола и поволок к выходу. Проверив, чтобы никого из соседей не было на площадке, я стащил двоих аборигенов на пролет между первым и вторым этажами, и пристегнул наручниками к перилам. Интересно, кто первым придет – «02» или «03»? И еще любопытно, что они в милиции объяснять будут? Не будут же они утверждать, что пришли разгромить квартиру судьи федерального районного суда, да заодно – лишить его жизни. И все это за то, что он прячет собаку, которая стоит пять миллионов евро. А судья неожиданно пришел домой, побил их маленько, раздел и на площадку вывел голых... Да любой опер им за этот бред расшибет голову телефонным справочником! Менту из УР, конечно, можно плести какие угодно истории, он все поймет, простит и посадит, вот только не нужно ему объяснять свое нахождение в костюме Адама в общественном месте древностью происхождения собачьего рода Штефаниц. Не стоит. Максим Егорович и Альберт Наумович, безусловно, объяснят это так: шли к знакомой на пятый этаж, напали восемь человек в черных полумасках, избили, забрали деньги, документы и раздели.

Я положил деньги и документы пленников в сумку, повесил ее через плечо Еноту и, ядовито улыбаясь, поднялся наверх. Скоро они встретятся с Иванычем. Вот будет удивлен старый козел...

Теперь уже точно не было времени.

Нажав на кнопку звонка Альбины Болеславовны, я услышал ее торопливые шаги.

Рольф встретил меня урчанием и тут же вцепился в ботинок. Альбина Болеславовна с волнением рассказала о странных звуках, которые несколько часов подряд раздавались в моей квартире и затихли перед самым моим приходом к ней. Я спешно ее поблагодарил, забрал Рольфа и поторопился уйти.

Глава 5

Прошло четыре дня с того момента, как я покинул свою квартиру. Теперь моя жизнь делилась на два этапа – до подполья и в подполье. Я уже не беру в расчет развод с женой, расставание с которой считал исторической вехой в своей судьбе. Встречу с Сашенькой, вынужденную отставку и новое назначение я вообще считаю малозаметным событием. Теперь все сосредоточилось на совместном проживании мирового судьи Антона Струге и начинающего наглеть пожирателя всего, что имеет органическое происхождение – Рольфа. Интересно, что скажет Саша, если к ее приезду все это не закончится и она увидит меня на аэровокзале с этим зверем? Нет, нет! Это исключено.

Вадик Пащенко, прокурор, услышав про мои злоключения, сначала хохотал, как безумец, а потом проникся чувством жалости, причем – к щенку, и за два часа решил все проблемы. Сейчас я жил на руповской «кукушке», на другом конце города. У Вадима двоюродный брат работал заместителем командира СОБРа, вот он и разыскал для меня приют на ближайшие полгода. По восточным обычаям, однажды отведя от меня смерть, он теперь владел моей жизнью. В данном случае – продолжал спасать.

Квартира ранее принадлежала рецидивисту с плотным стажем отсидки, а после его смерти сразу объявилось не менее двух десятков наследников в виде теть, внучатых племянников и троюродных братьев. В этой же когорте в первой шеренге в ногу шагали несколько начальников ЖЭУ, мастеров и работников собеса. На их беду однокомнатная квартира всех не могла принять при всем желании, поэтому ее «взял в аренду» РУОП, разрубив, таким образом, этот гордиев узел. Но, как известно, до всех новости доходят по-разному, поэтому мне часто приходилось открывать дверь, пряча «газовик» за спиной, алкоголикам, жуликам, бабам и бывшим поделщикам усопшего вора. Человека нет, а память о нем жива. Причем жива настолько, что некоторые приходили по несколько раз, хотя еще в первый им было растолковано, что «Вован на небе».

Я по-прежнему находился в отпуске, если такое существование можно таковым обозвать. Отпускные таяли в два раза быстрее. Теперь мужиков в доме было двое, причем один из них ел, словно в последний раз. И это был не я.

Пес рос прямо на глазах. В его голосе явственно ощущались баски, которых я раньше не слышал. Очевидно, полученное мною сотрясение мозга излечивалось. Рольф, если это выражение приемлемо для собак, мужал.

Практически весь запас денег, кроме выданных в суде отпускных и премиальных, я передал Петьке Варфоломееву. УВД денег просто так бродячим судьям и собакам не дает. Собственно говоря, оно, Управление, и своих-то собачек не слишком балует. Во-вторых, мне нужно было искать варианты покупки квартиры. Причем, не просто квартиры, а более просторной, чем была до этого. Теперь я буду жить уже не только с молодой женой, а и с довольно объемным питомцем. А этому хулигану необходим свой угол.

Процесс продажи квартиры, в которой произошло сражение за мою независимость, проходил весьма своеобразно. После того, как я бежал из дома и рассказал все Пащенко, он немедленно отправил в мой адрес Александра Пермякова и Валерку Куст. Пока они ходили в разведку и собирали мои вещи в разоренной квартире, я пил кофе, а Рольф грыз туфли транспортного прокурора. Вадим матерился, пес рычал, и ни у одного не хватало ума пойти на мировую. Пермяков с Валеркой появились через два часа. Они волокли два баула с моими вещами и не могли успокоиться от потрясения. Дело в том, что процесс пленения Альберта Наумовича и Максима Егоровича, а также их нахождение в недвусмысленном виде на лестничной клетке совпал по времени с приездом из «белокаменной» Председателя Облисполкома. Если бы я знал, что эти два события окажутся так сильно связаны между собой, то, возможно,

поступил бы с Альбертом Наумовичем и Максимом Егоровичем иначе. Но я поступил так, как поступил, а Председателя Облисполкома, по его же заданию, повели «в люди», демонстрируя дома Высокой Культуры. Это те дома, на стенах подъездов которых не пишут адреса местных проституток и не малюют свастики. Это дома с газончиками, цветами в подъездах и отсутствием запаха мочи. Я жил как раз в таком доме. И в тот момент, когда Главе Исполнительного Комитета старший дома уже рассказал на улице о бабушках-цветочницах, о ежегодном ремонте дома силами самих жильцов (я сам красил стены в зеленый цвет), о порядке на площадках и высокой культуре проживающих, комиссия приближалась к подъезду. Главу вели в гости к Альбине Болеславовне. Затем случилось то, что должно было случиться. Старший дома все еще продолжал рассказ о чистоплотности жильцов и высоких нравственных устоях, не видя, что творится за его спиной, а главный экскурсант уже разглядывал в упор архитектурный ансамбль, состоящий из двоих аполлонов. В тот момент на Альберте Наумовиче и Максиме Егоровиче из одежды была только одна сумка на ремне на двоих.

– А это что за композиция? – ткнул пальцем в сумку первый человек области. – Сфинксы?

Выше он подниматься уже не стал, посоветовав управдому посадить «сфинксов» на постаменты у входа в подъезд.

Я быстро выдал Вадиму Пашенко доверенность на право продажи квартиры, и он ее весьма удачно продал. Деньги лежали на открытом мною счету в отделении того банка, где работала Александра. Том самом банке, который перевернул мою жизнь до неузнаваемости. Каждый вечер я с пакетом еды для пса шел в питомник, где Варфоломеев, глядя на Рольфа, уже недвусмысленно намекал мне на то, что щенком всерьез заинтересовались некоторые высокопоставленные чины Управления. Петя «отмазывался» перед ними, как мог, ссылаясь то на молодость собаки, то на «подозрение на чумку». А пес на самом деле был до изумления красив. За неделю он окреп еще больше и стал все больше и больше походить на взрослую собаку. Варфоломеев, которому, в общем-то, это совсем было не нужно, воспитывал пса и поучал меня.

– Запомни, Антон, – твердил он, – собака должна слушаться только своего хозяина. Я, конечно, могу его натаскать, но в этом случае ты будешь третьим лишним. Не вздумай хоть раз не прийти к нему. Неделю назад, когда тебя не было сутки, Рольф отказывался жрать и не выходил из вольера. Честно признаться, я не понимаю одной вещи. В этом возрасте у собак еще слабо развито чувство привязанности к конкретному человеку, а он ведет себя, как двухгодичный кобель. И еще – хитрый, как лиса. Вчера я заметил, как он стравил между собой моего Сайгона и Черного Клайда. Ты когда-нибудь видел, как собака стравливает других собак? И не просто собака, а четырехмесячный щенок?

– Петя, где я мог это видеть?

– Черный Клайд постоянно задает Рольфу трепку. А вчера твой интеллеktуал сумел разозлить его и «подвести» к Сайгону. Причем твой как бы организовал коллективную драку. Когда Сайгон с Клайдом сцепились, он прижал уши, отбежал и со стороны смотрел, как Сайгон дерет Клайда. Бьюсь об заклад, Рольф сидел и улыбался...

Я тоже сидел и улыбался, слушая Варфоломеева.

Пес каждый вечер, около семи часов, по рассказам Петьки, начинал беспокоиться и скулить. Ходил из угла в угол и не обращал внимания на все происходящее вокруг него. В это время должен был прийти я. И я приходил. Набегавшись с ним в питомнике и глядя, как он, болтая еще не окрепшими ушами над тарелкой, перемалывает «педигри», шептал: «Потерпи, Рольф, скоро мы будем дома...». Когда я уходил, пес скулил, отчаянно тявкал и пытался просунуть сквозь сетку-рабицу толстую лапу. Я уходил, чтобы рано утром прийти снова.

Меня не оставят до поры в покое ни Виолетта Штефаниц, ни опущенная братва. Забрать Рольфа на «кукушку» я не мог. Мы могли засветиться на первой же прогулке. А в том, что нас ищут, я ни минуты не сомневался. Нужно было уезжать из города. И делать это как можно быстрее. Вместе с бурей навязанных волей злого рока проблем я решал еще одну. Как все

это закончится и при каком раскладе – неважно. Важно, чтобы это закончилось до приезда Саши. После случая с утерянными ворами и найденным мною общаком, второго такого эпизода она не переживет. Я и без того был виновен перед ней за все перенесенные ею страдания и благодарен за то, что она их вынесла, хоть и не вместе со мной, но поняла. Впутывать Сашу в очередной казус непонятной судейской жизни я просто не имел права. Так или иначе, все должно встать на свои места до того, как она вернется из Москвы. А уж появление пса в нашем доме я смогу ей объяснить. Однако лгать по телефону ежедневно напоминало сизифов труд. Едва провравшись с вечера, я отходил душой, но, как только ровно в девятнадцать ноль-ноль раздавался междугородный звонок, камень моей души опять скатывался под гору, и в течение десяти-пятнадцати минут я пытался объяснить жене, что у меня «все в порядке, с готовкой пищи проблем нет, допоздна телевизором не балуюсь, а гавкает в квартире Джерри Ли – идет фильм «К-9». Уфф...

Вскоре появилась еще одна проблема. Пес отказывался принимать из рук пищу у кого бы то ни было, за исключением меня и Петьки. Нам по очереди приходилось по вечерам приезжать в питомник, чтобы его покормить. Петька изумлялся и расстраивался:

– Через двадцать лет общения с собаками я вынужден признать, что ничего не понимаю в их психологии. В этом возрасте щенки еще не настроены на подобного рода отказы. Им можно только начать прививать это качество – не брать из рук чужих предметы и пищу. И я его этим не напрягаю. Такое впечатление, что он по ночам читает книги о самовоспитании.

И я опять улыбался, пряча лицо. Позвонить Виолетте в Бремен и сообщить об успехах Рольфа? Меня так и тянуло это сделать. Но в эти моменты я вспоминал про бывшую жену, ее рассказы о крокодильем мясе, своих словах, которые произносил в ее адрес, читая письма, и отказывался от этой затеи. На подобную жестокость я, наверное, не способен. И еще мне было искренне жаль Виолу. Девчонка умная и не из робких. Интересно было бы знать: где она сейчас, чем занимается и какие коварные планы вынашивает в отношении меня? В том, что встреча не за горами, я не сомневался. Слишком велика была ставка. Честь рода и продолжение традиций – с ее стороны, и привязанность к Рольфу – с моей. И про какие бы мы традиции и честь ни говорили, а пять миллионов долларов, они и в Африке – пять миллионов. Я неплохо разбираюсь в биржевых делах, сделках и переоценке материальных ценностей в зависимости от обстоятельств. Если история выплывет наружу и станет достоянием общественности, то предлагаемая за Рольфа сумма может вырасти в два раза. Но это так – размышления ни о чем. Пса я не отдам ни за какие деньги.

Как-то в один из душевных июльских вечеров мы с Пашенко задержались в офисе. Домой не хотелось идти ни мне, ни ему. Я уже побывал у Рольфа, поиграл с ним и накормил. Собаки питомника лаяли, завидев меня, уже не поднимая переполоха, как было раньше, в первые дни моего появления, а по привычке. И хотя в их голосе сквозила какая-то неприязнь – собака есть собака, врагом они меня не считали. Обо всем этом я рассказывал прокурору, и он лишь удивленно цокал языком и прихлебывал чай из кружки. В конце разговора, когда необходимость идти домой еще не прозвучала вслух, но назрела подсознательно, Вадим вдруг спросил:

– А тебе никогда не хотелось за эти два месяца вернуть пса в Германию, получить огромные деньги и свалить из этой богом забытой страны?

– Поменять Рольфа на бабки? – изумился я.

– Ну, назови это так.

– Ты что говоришь? Он же привык ко мне! Да и... я тоже.

– Ты еще не устал от постоянных тревог и мыслей о том, что с тобой будет, когда тебя найдет братва или эта дамочка? всю жизнь не пробегаешь. Здесь нет сроков исковой давности. Тебе либо голову оторвут, либо просто заберут тайком от тебя собаку, и ты останешься и без Рольфа, и без денег. А скорее всего, произойдет все без «либо». Смешанный вариант. Ты, наверное, совсем позабыл о твоём увлекательном приключении с Пастором и Тимуром. Спасло

тебя вчистую лишь совпадение счастливых случайностей да помощь друзей. Но когда-нибудь меня может просто не оказаться рядом. Или случайность окажется не счастливой, а несчастной.

Мне стало не по себе. Пащенко и ранее разговаривал со мной запросто о самых страшных вещах, но мне чувствовалось, что сейчас это не просто его поддержка. Это его совет. Конечно, с кем он еще будет ходить на матчи с участием «Рыбхоза», если меня пристукнут где-нибудь в подворотне?

– Ты дошутишься, Струге. У тебя удивительная особенность вступать в дерьмо обеими ногами сразу. Но однажды в него можно так вляпаться, что тебя найдут не по радиомаячку или мобильнику, как Дудаева, а по исходящей вони. И как мне кажется, этот запах я уже ощущаю. Но мне должностью положено ощущать запах дерьма раньше остальных. Однако скоро, когда вонь станет невыносимой...

Пащенко и раньше имел право так со мной разговаривать. И тот факт, что он стал инициатором моего исчезновения, говорил лишь об одном – он уважал меня и относился с искренней мужской дружбой.

– Удивляешься моим словам? – предвосхитил он мой вопрос. – Не стоит так удивляться. Тобой сегодня интересовались.

– Кто?

– Один дяденька с большими погонами. Из областной Управы.

– И что ему было нужно? – Я чувствовал, как нарастает напряжение в моей голове.

– Посмеялся, посетовал на проигрыш «Рыбхоза» и удивился, почему на последнем матче не было тебя.

– Дашь мне неделю подумать – кто из ментов ходит на игры местного футбольного клуба? И какого беса он интересуется мной?

– Вот и я спрашиваю – с чего бы? – Вадим почесал висок. – Не знаю, Антон. Хотя... Ты меня прекрасно знаешь по бывшей работе. Есть одна версия. Но не скажу. Если не дурак, сам поймешь. – Он помолчал и, словно невзначай, добавил, вставая из кресла: – Когда речь идет о сотнях тысяч – появляется братва, когда о миллионах – большие люди при законе... Пошли домой? Сегодня мой «Спартак» с твоим «Зенитом» в Лужниках бьется. Спорим на две «Балтики» – твои обделаются?

Я не дурак. Поэтому прекрасно понимал, о чем говорил Пащенко. Понимал, потому что помнил слова Варфоломеева о заинтересованности «людей из Управы» моим щенком. Придя домой, я не мог уснуть. Провертевшись на подушке полтора часа, я не выдержал, оделся, сунул за пояс «газовик» и вышел из квартиры. Поеду в питомник. У дежурного есть тахта, которая вечно пустует. Вот на ней и переночую. Может, дежурный разрешит взять к себе в домик Рольфа?

Закрывая дверь, я услышал приглушенный разговор несколькими этажами ниже. Судя по шагам и придыханию, кто-то поднимался по лестнице. Моя «кукушка» на седьмом, значит те, кто поднимается, сейчас находятся где-то на четвертом. Я глянул на кнопку лифта. Она горела, а значит, лифт работал. Зачем идти пешком при свободном и исправном лифте? Только в одном случае – если необходимо по пути до верхнего этажа обсудить последние детали. Я почувствовал приближение чего-то неприятного, словно по моей руке пробежал таракан. Может быть, человеку, который не связан опытом судьи, живется на свете легче, потому что он не видит того, что совершенно ясно для судьи – бывшего следователя прокуратуры. Может быть. Вот, например, обывателю и в голову не придет, что квартирные разбойники и воры никогда в жизни не воспользуются лифтом, даже если нужно будет идти на двадцатый этаж. Что обещает российский лифт? Во-первых, поломку. При наличии в карманах масок, перчаток, набора инструментов и оружия – это худшее, что может произойти. Во-вторых, неожиданные встречи при открывающихся дверях. Но это знаю я, следователь в прошлом и судья в настоящем. Поэтому, бесшумно закрыв тщательно смазанный замок двери («кукушка» есть

«кукушка»), я поднялся на пролет выше и замер. Если альпинисты пройдут мой этаж и станут подниматься выше, я просто спущусь с тупой миной на лице.

Каждый судья обречен на небольшую дозу паранойи. Без этой дозы можно только называться судьей, но быть им невозможно. В этом он схож и с сыщиком из уголовки, и со следователем. Схожий склад ума, разные лишь выводы из одинаковых ситуаций...

Нет ничего неприятнее, чем в трех метрах от двери своей квартиры наблюдать за тем, как в нее звонят трое молодых людей с пистолетами, не состоящими на вооружении МВД.

Может быть, мужики просто телеграмму принесли? А я тут, как параноик, стараюсь не дышать! Если бы не оружие, можно было бы предположить, что это внеплановое посещение «кукушки» или знакомые Пашенко. Но всех его друзей я знал, а операм здесь делать нечего. Квартира раньше не использовалась в качестве «рабочей» и сейчас проходила срок короткой «реабилитации», то есть выжидался момент, когда соседи забудут старых хозяев и ничего не смогут сказать по поводу новых.

После третьей попытки до меня дозвонится один из пришедших не выдержал:

– Ничего не понимаю. У него же горел свет!

Голос звучал приглушенно и в нем чувствовалось волнение.

Еще звонок...

– Может, он в ванной? – высказал предположение второй. – Голову мылит, а мы тут названиваем.

Очень хотелось, чтобы они продолжали разговор. Так можно легко определить, из какого «стана» прибыли гости. Если мент станет «ботать по фене», я сразу это определю так же легко, как если бы жулик заговорил без ее применения. И хотя сейчас все органично перемешалось и заимствовалось, и те и другие общаются на одном языке – полуворовском, полугражданском «эсперанто», опытное ухо моментально уловит истинную частоту. Жулик, к примеру, среди мата и сленга никогда не произнесет слов-предателей, типа – «установил». Ему ближе – «прокнокал». И из его уст не услышишь «поехали в адрес». Жулик обязательно произнесет «поехали на хату». Зато я знаю одного опера, который, делясь со мной опытом размена квартиры, в абсолютно неслужебной обстановке «выдал»:

– Знаете, Антон Павлович, я уже сеть хат отработал, и все без толку.

Опера, внедряемые в преступные сообщества, прокалываются практически всегда не из-за того, что кто-то из «новых друзей» подслушал, как в фильмах, его телефонный разговор, а именно из-за своего либо слишком акцентированного, либо недостаточно ориентированного «базара».

Моя левая нога уже стала затекать, как я услышал еще один вариант, почему я не открываю дверь:

– Может, судила бабу «пашет»?

Теперь осталось только одно – догадаться, по чьему повелению на законспирированную оперскую квартиру прибыли «отморозки». С этим было бы легче, если бы среди присутствующих находились Альберт Наумович и Максим Егорович. Но они либо были не при делах, либо проходили курс психиатрической реабилитации на дому.

Между тем время текло, а момент принятия гостями решения даже не назревал. У этой категории людей процесс мышления в неординарной обстановке заторможен, как у зайца, увидевшего однородное существо. Если это зайчиха – ее нужно трахнуть, если заяц – «вломить» тому по первое число. Мысль о том, что могут «вломить» самому, приходит тогда, когда ошибка уже совершена. Очень хотелось выйти из укрытия и подсказать им направить одного на улицу, чтобы проверить, продолжает ли гореть свет в моей квартире. Но потом придется развернуть целую лекцию о том, что, поскольку свет не горит, значит, искомый человек находится в подъезде, так как он не выходил из дома, а на лифте никто не спускался. Руководить

работой по своему обнаружению не хотелось, но сливаться со стеной в течение всей ночи – тоже малоприятное занятие. Должны же они что-нибудь придумать, в конце-то концов!

– Может, дверь «вынесем»? – долетело до меня.

Все правильно. Заяц, увидевший зайца...

– Офуел? Они же двойные. Че, не по глазам?

– А че делать? Гурон сказал, чтобы без собаки не возвращались!

Вот тебе и «твою-мою». Негромко музыка играла, недолго фраер танцевал! Нашли. Самым беспардонным образом высчитали и пришли меня трясти не куда-то, а на оперскую «кукушку»! Всем ублюдкам планеты Земля практически одновременно понадобился мой щенок по кличке Рольф. И что самое интересное, в данной ситуации самым ненужным оказываюсь я – владелец пса. Уважаемый Фредерик Штефаниц, ваше детище опережает по своей убийственной силе даже изобретенный на пятьсот лет раньше порох!

Зайцев, как и гусей, я «гонять» не умел, поэтому в голове тут же появился план исчезновения из ставшего уже ненадежным дома. Этот план был ориентирован именно на «зайца». Точнее – на трех «зайцев».

Бесшумно ступая, я поднялся на девятый этаж и нажал кнопку лифта. Голоса внизу притихли. Было ясно, что друзья пытаются понять причинную связь между сработавшим лифтом и отсутствием стука входных или квартирных дверей. Догадаться, что лифт вызвал человек, стоявший до этого на лестнице, нетрудно даже им. В том, что они не двинутся с места, я был уверен – они не понимают, куда движется лифт – вверх или вниз. Когда створки распахнулись передо мной и братва услышала шум двумя этажами выше, я нажал кнопку первого этажа, и пустой лифт начал свое унылое движение вниз.

Я бежал за пареньками, стараясь не стучать обувью. Нас разделяли два пролета лестницы. В азарте движения они не слышали моих шагов, а лишь подбодряли себя приглушенными выкриками. Первая часть плана сработала.

Дождавшись, когда за ними захлопнется уличная дверь, я юркнул в темноту под лестничную клетку, около самого выхода. По моим подсчетам сейчас должно было произойти следующее. Трое искателей приключений с дикими от возбуждения глазами выбегут на улицу и тут же поинтересуются у четвертого, сидящего в машине, в какую сторону побежал человек, который только что выскочил из подъезда. После его ответа они стремглав побегут обратно и рассосутся по этажам в поисках хитрого судьи Струге. Впрочем, машины с четвертым может и не быть, но я почему-то был уверен, что она есть. Психология братвы всегда заставляет оставлять крайнего на шухере. Это только коллеги из Управления приезжают и всей толпой идут в адрес. Если, конечно, адрес – не на первом и втором этажах и никого не нужно ловить на руки. С седьмого жулику прыгать опасно – может ногу вывихнуть...

План работал. Через минуту «группа захвата» снова залетела в подъезд и помчалась на всех парах вверх. Теперь одного они оставят у лифта, чтобы четвертый во второй раз над ними уже не хохотал, а двое начнут поиск. Молодцы. Грамотно. Так и сделали...

Прикинув, сколько им понадобится времени на «прочесывание» подъезда, я решил поторопиться. Осторожно, сантиметр за сантиметром открывая противно скрипящую дверь, я вышел на улицу. Так и есть. В десяти шагах от дома стоял припаркованный джип «Мазда» синего цвета. За рулем сидел знакомый мне по минувшим боям водитель «Газели» и открыто скучал, впериw взгляд в фото голой девки на листке дешевой газетенки. Фотография была мне хорошо видна – я подходил к джипу сзади.

Сейчас фортуна повернется к пареньку тем же местом, которое он внимательно изучал на журнальной красавице. Наверное, в прошлый раз я чересчур сильно ударил водителя, потому что в данной ситуации нормальный человек ни за что не поставит машину задом к подъезду.

Я, как и в тот раз, резко открыл дверь и в ответ на блеск уже надоевших «противотуманок» врезал водителю по тому же самому месту дубинкой. С трудом протолкнув бесчувствен-

ное тело на сиденье пассажира, я сел за руль и включил зажигание. В тот момент, когда внедорожник, провернув на месте передние колеса, стал набирать скорость, я увидел в зеркало заднего вида выбегающую из подъезда «группу захвата»...

Глава 6

Пока мой «пассажир» справа отдыхал, уткнувшись носом в обшивку двери, я попробовал успокоиться и поразмышлять. Гости оказались не из будущего, а из прошлого. Компания Альберта Наумовича и Максима Егоровича. Только сейчас на площадке другое звено. И еще я сделал немаловажное открытие. «Дрезденский друг» Виолетты – не кто иной, как глава разросшейся до неприличия организованной преступной группировки города Гуров. Это он сменил на боевом посту почившего в тюрьме штата Огайо Пастора. Если хотите очень быстро с ним познакомиться, то откройте в моем городе свое казино, ломбард или организуйте притон для занятия проституцией. Гурон моментально об этом узнает, и, помимо государственного налога (за исключением последнего случая), вы сразу станете платить налог негосударственный. Попадете в ситуацию, когда от предложенных условий будет отказаться невозможно. Будете артачиться – вашему лучшему крупье сломают пару пальцев на правой руке или всех «рабочих» проституток заразят триппером на внеплановом «субботнике». Нужно делиться, без этого в наше время нельзя... РУОП и сыскари УР чуть ли не на локоть «наматывали» информацию о Гуроне, но вместо него бесплатно валить кедры командировались другие. Исполнители, свято верившие в «гангстерское» братство и хранившие обет молчания. Они верили, что их семьи, пока они не дома, будут согреты и обеспечены, что за их молчание на «зоне» они будут ходить на положении неприкасаемых «пацанов», что по выходе «оттуда» они заживут всласть... Если есть организация – есть идеология и умение свертывать мозги набок. Сам же Гурон был не «при делах» и доказать фактами его участие в организации и руководстве преступной группировкой было невозможно.

Мне удалось один раз столкнуться с Гуроном. Неприметный, серый сорокалетний мужичок. На первый взгляд – любитель почитать газеты и побродить по музеям и выставкам. Там-то, скорее всего, Виолетта его и встретила. Но если вгрызться зубами в криминальную историю и обстановку в городе, то при виде этого шуплого гражданина по спине будет пробираться холодок. Все, что именуется преступлениями, связанными с суммами десять тысяч долларов и выше, – в компетенции Гурова. По моей информации, когда я еще топтал территорию в качестве следователя прокуратуры, его лет десять назад «закрывал» следак из райотдела на трое суток – «по подозрению в совершении преступления». За банальное вымогательство у чурок на рынке. Естественно, через трое суток его выпустили. Еще через час чурки приехали в райотдел и признались дознавателю, что перепутали гражданина Гурова с кем-то другим, из Смоленска, но отсидка в сырой камере дала небольшой сбой в системе жизнеобеспечения организма мафиозного деятеля, и его притихший на время туберкулез проснулся и не засыпал до сих пор. Вот теперь у него появилась счастливая возможность и рыбку съесть, и на санках покататься. И бабок на Рольфе срубить, и Струге, теперь уже судью – что даже лучше – в дерьмо втоптать. А лучше – сначала втоптать, а потом еще и уничтожить. Довольно серьезный противник, если учесть сумму, стоящую на кону, и неутихающий туберкулезный кашель.

Теперь другое. Как они на меня вышли? Вопрос, который меня мучает с момента появления в моей жизни Рольфа. Само собой разумеется, не через Вадима Пашенко и не через его брата. Слишком сложная получается комбинация. Вадик поминутно знал мое местонахождение и мог «сдать» меня проще, не впутывая в оказание помощи мне силовиков. Где-нибудь в питомнике.

В питомнике...

По совету Виолы Гурон мог начать поиски Рольфа и, соответственно, меня с кинологических клубов. Где-то должен был я делать псу прививки и лечить, в случае чего, щенка! Вольдемар знал – я не стану этого делать, чтобы не «засветить» собаку, и тогда остается только одно.

Обойти вниманием питомник УВД он просто не имел права. Гурон – не «заяц». Он думает. Поэтому еще живет и до сих пор не «заказан». Зато «заказан» сейчас другой человек. Я.

Так, с этим все ясно. Теперь нужны подробности.

Загнав «Мазду» в темноту двора одного из домов, я стал приводить в чувство уже начинающего привыкать к своему состоянию водителя... черт его знает, водителя *чего!* У них тут целый трамвайно-троллейбусный парк!

«Нарзана» в машине не было. Нашатыря в аптечке я не нашел, но обнаружил там вату. В некоторых случаях она может его заменять. Даю бесплатный совет из числа «полезных». Хотя, если вам приходилось будить мертвеца пьяного преступника на предмет получения объяснений, вам это не нужно. Чиркнув зажигалкой, я поджег вату, подождал, пока она разгорится, потушил и сразу сунул под нос парню, предварительно закрыв ему ладонью рот. Если вы этого никогда не делали, сделайте на себе.

Через пару минут парень с завязанными сзади все тем же ремнем руками уже прояснял мне ситуацию. Я его слушал, выпуская струйки дыма через опущенное стекло.

– Когда менты приехали и увидели Енота и Алика, ну...это...неодетыми, они их забрали в ментовку. Там спросили, чьи «бабки» в сумке. Макс сказал им, что «бабки» его...

– Так, дальше, – незаметно улыбнулся я в темное окно, чувствуя логичную концовку рассказа про «Енота с Аликом».

– А менты взяли и проверили баксы. Одна «сотня» оказалась фальшивой. Их тут же взяли в оборот и дело возбудили. Трое суток отсидели в изоляторе, и все трое суток их «кололи» на изготовление и сбыт фальшивых долларов. А откуда Енот про них знает? «Маляву» передал, кричит, что не при делах, и ментам за это базарит, а те, как видно, не верят, ну и... Сейчас под «подпиской» ходит, суда ждет. Менты, суки! «Сотню» фальшивую сами ведь подсунули!

– Не менты, а я, – заступился я за правоохранителей. – Давай дальше.

Скоро выяснилось, что Виолетта, на самом деле, спонсировала розыск Рольфа и объявила большую награду, если он будет возвращен, то есть – отобран у меня. Сколько именно пообещала Виолетта, парень не знал, но, по его словам, немало, потому что Гурон отложил все дела и сосредоточил усилия на поисках «мирового судьи и его собаки».

– А тебе-то сколько перепадет, сынок?

Помня о дубинке, парень почти сразу ответил:

– Три «штуки».

– Чего? Рублей? Долларов? Баб?

– Баксов, естественно.

– Было бы это естественно, я бы не спрашивал. Тебе не стыдно за три тонны «зеленых» лишать человека жизни?

– Я водитель.

– Да, конечно, извини. Я совсем забыл, что ты – только водитель. Не тебе же стрелять. Это будут делать те трое. Да?

– Они должны только выяснить у тебя, где собака.

– И всего-то? – удивился я, вспомнив про «беретты» в руках гостей. – А я-то, дурак, напраслину на парней возвожу и думаю о них плохо!

– Ну, они не без грубостей, конечно... – осклабился мой дважды недобитый собеседник. – Ты ведь не сразу бы сказал, где псина.

У меня возникло дикое желание размотать ему руки, вытащить за шиворот на улицу и отделать до состояния невменяемости. До его невменяемости. Однако вместо этого, подавляя в себе чувства, я открыл дверь с его стороны и вытолкнул парня на улицу. Потеряв равновесие, он свалился как куль на землю. Разговаривать с ним еще и выяснять подробности далее не имело смысла. Это слабо развитое дитя играло роль «шестерки», которая знает ровно столько, сколько должна знать, по мнению хозяина.

– Если ты попадешься мне в третий раз, я проломлю тебе «крышу». Остаток дней проведешь не в муках, куда потратить три «штуки», а в блаженном созерцании белых стен в дурдоме. Бегом отсюда!

Мой путь лежал в питомник. Если они вышли на меня, проследив путь от Рольфа до квартиры, то я им нужен был только для того, чтобы забрать щенка из питомника. Сами они этого бы не сделали. В питомнике вооруженный сотрудник милиции, и вновь прибывших незнакомцев сразу возьмут в оборот. Сейчас мне стоило поторопиться, чтобы забрать Рольфа. Трое друзей наверняка уже просчитали мой ход и следуют в том же направлении. Они понимают, что я должен забрать пса и исчезнуть прежде, чем они подъедут к питомнику. Если я не успею, выход мне будет перекрыт, и в любой момент после этого, как только мне захочется выйти наружу, я стану жертвой...

* * *

– Послушайте, – не поздоровавшись, сразу «наехал» на меня Шилков – старшина, дежурный по питомнику, – ваш подросток обнаглел! – Он показал мне перемотанную бинтом руку. – Варфоломеев сегодня вечером не приехал, пришлось вашему Рольфу жратву нести мне. Этот подлец отказался есть, а когда я присел над ним, он цапнул меня за руку! Воет, как настоящий! Волк, а не кобель! Вот, послушайте сами...

С последними словами Шилков, которого все с уважением называли не иначе, как по отчеству – Сергеич, поднял в воздух указательный палец здоровой руки и превратился в статую. Метрах в ста от дежурного помещения раздавался протяжный вой. Рольф требовал моего появления. На мгновение вой затих, и старшина быстро сказал:

– Сейчас опять начнется!

После короткого подвывания Рольф опять затянул заунывную песнь и к нему подключилось еще несколько голосов.

– Эта спевка будет продолжаться всю ночь. Ваш сейчас устанет и вырубится, а взрослые не успокоятся до утра. Забирайте вы его, а? Он весь питомник скоро деморализует.

– За ним и приехал. Пока я за ним хожу, присмотри за выездом, чтобы никого не было.

– А что такое? – удивился Шилков.

– Ну, посмотришь или нет?

– Да ради бога.

Рольф узнал меня, еще не видя. Я подходил к вольеру сбоку, и он просто не мог меня видеть физически. Вольеры с трех сторон были обшиты досками, и только лицевая сторона клетки состояла из ограждения сеткой-рабицей. Приближаясь, я слышал, как мой пес скулит и топчется на одном месте.

Увидев, наконец, хозяина, щенок бросился на сетку и жалобно тявкнул, словно жалуясь на свою тяжелую судьбину. Пока я, чертыхаясь и торопясь, разматывал проволоку на петлях дверцы, Рольф прыгал на месте и беспрестанно скулил, топая лапами по деревянному настилу вольера. Справившись с проволокой, я шагнул внутрь и присел. Пес положил мне на плечи лапы и, работая языком, как помелом, стал вылизывать мне лицо.

Увидев, как он между делом высматривает у меня привычные пакеты с провизией, я вспомнил, что пора отсюда убираться.

– Все, малыш, уходим! Теперь нам и здесь покоя нет.

Нести его на руках было противоестественно. Рольф опережал в развитии всех своих сверстников и у меня на руках выглядел уже нелепо. Однако думать об этом времени не было. Преодолев рысью территорию вольера, сопровождаемый лаем собак, я выскочил на улицу. У входа курил старшина и выполнял мою просьбу – присматривал непонятно за кем.

- Слава тебе, господи! – произнес он и перекрестился. – Насовсем или как?
- Или как, – уклончиво ответил я, открывая свободной рукой заднюю дверь джипа.
- Ну, и – легкой вам дороги, – облегченно вздохнул Шилков.

Попрощавшись, он исчез в глубине дежурного помещения.

Я понимал – времени остаются какие-то секунды. Гурон меня «считал» так же легко, как я его. Но мне нужна была еще минута для звонка Пашенко. Я остался без крыши над головой, со щенком на руках в угнанной машине. Он должен мне помочь. Только бы Вадим был дома!

- Это опять вы? – изумился Шилков, не успев поднести к губам кружку с чаем.
- Один звонок! – заверил я его и поднял трубку телефона.

Пашенко был дома. Высказав все, что он обо мне думает, он пригласил меня с Рольфом к себе на рюмку кофе.

- Посмотрю хоть, из-за кого весь сыр-бор, – добавил он напоследок.

Когда я, выходя, пошутил, желая Шилкову спокойной ночи, то не знал, насколько прощеской окажется моя шутка на следующее утро...

Джип стартовал от питомника, забираясь в темноту улицы. Милицейское начальство могло бы позаботиться о том, чтобы установить соответствующее освещение перед входом в собачье общежитие. Набирая скорость, я вдруг увидел машину дорожно-патрульной службы. Один из «гаишников» вышел было на дорогу, но я, сбросив скорость, показал через стекло судейское удостоверение. Прочитать он, конечно, ничего не мог, но по формату и исполнению документа догадался, что это кто-то из своих. Махнув рукой, он развернулся.

Посмотрев в зеркало заднего вида, я увидел, как тот снова садится в машину. Ребята ждут следующую жертву...

Оставив джип во дворе одного из домов, я пешком дошел до дома прокурора. Завтра утром джип вернут владельцам. Как только обнаружат и сообщат в милицию. Угонять его никто не станет. Тернов – городок небольшой. Всем хорошо известно, кто ездит на таком джипе.

Прокурор, одетый в бордовый атласный халат, гостеприимно отступил в сторону, пропуская меня и Рольфа в квартиру.

Пес тяжело дышал после пешего подъема на шестой этаж и сейчас сидел у моей левой ноги, вывалив розовый язык. Это был уже не любознательный щенок, который четыре дня назад бесцеремонно ввалился бы в покои Пашенко. Команды не было, он и сидел. Я, никогда ранее не общавшийся так тесно с собачьим племенем, относил это к мастерству воспитания Варфоломеева. Петр – к необычайной, удивительной одаренности Рольфа.

- И что мы стоим? – обратился Вадим скорее к Рольфу, чем ко мне.
- Заходи. – Я показал псу направление движения.

Тот лениво оторвал заднее место от бетона и вошел в квартиру. Он шел и почти с каждым шагом оборачивался, смешно выворачивая голову – проверял, иду ли за ним я.

За последние два часа я устал настолько, что едва хватило сил, чтобы пересказать другу хронику моих злоключений. После третьей рюмки водки я почувствовал, что засыпаю за столом.

– Все, – констатировал гостеприимный хозяин. – Всем спать. Завтра подумаем, куда вас пристроить. И завтра же позвоню своему, в РУОП. Пусть они там всю братию, которая будет «пасти «кукушку», заметут к себе... Да, кстати, если, конечно, это кстати, тебе Сашка вариант с квартирой подыскал. Того, что у тебя сейчас уже есть, вполне хватит, еще и останутся деньги на намордник для Рольфа.

Сашка – это все тот же старый друг Александр Пермяков. Один из лучших следователей транспортной прокуратуры Пашенко. Удивительными узлами иногда связываются воедино судьбы людей.

Лучший следователь.

А раньше лучшим был я...

В голове появилась мутная поволока.

Рольф поел, все нормально... Он проглотил миску вчерашнего борща Пащенко...

Передо мной плыл сиреневый туман.

Я проснулся ночью. Опять в одежде и опять на диване. Только теперь уже на диване Пащенко.

Рядом со мной, на полу, свернувшись калачиком, лежал Рольф.

В соседней комнате посапывал Вадим.

Осторожно, стараясь не скрипеть, я встал с дивана и прошел на кухню. Щелкнув зажигалкой, прикурил, подошел к окну. Внезапно появилось ощущение, что за спиной кто-то стоит и смотрит мне в затылок. Медленно повернувшись, я увидел Рольфа. Он стоял в проеме кухонной двери и смотрел на меня.

– Соскучился? – тихо спросил я.

Словно понимая, о чем идет речь, пес вильнул хвостом, осторожно подошел ко мне и, как тогда, в младенческом возрасте, словно подкошенный рухнул на пол. Похоже, это стало его привычкой. И если верить Варфоломееву – из числа вредных.

– Собака не должна падать, как мертвый конь, – твердил он мне. – Она должна ложиться мягко и бесшумно.

– Но ведь по команде он так и делает, – возражал ему я, но Петька был неумолим.

– Ни разу не видел собак, которые валяются на бок, как с инфарктом.

А Рольфу просто нравилось так делать. Этого не мог растолковать ни я, ни, понятно, он. Никто ведь не может объяснить, почему чешет голову, когда впадает в состояние задумчивости.

Очень хотелось пить. Это все прокурорская водка.

Открыв холодильник, я чуть не взвыл от радости, когда обнаружил там коробку яблочного сока. Видя, как Рольф прыгает на меня, увидев жидкость, я плеснул ему немного в миску. Разок щелкнув языком, пес отказался от сока и снова стал прыгать на мои ноги. Пришлось ополоснуть его посуду и налить туда воды. Она пришлась ему по вкусу, и в темноте кухни я услышал знакомые щелчки. Только теперь по всему чувствовалось, что лакает взрослое животное.

Стрелки на часах показывали половину пятого утра. Раньше девяти Пащенко не проснется, а мне было уже не до сна. За четыре последних дня я вымотался, как собака, да простит меня Рольф за сравнение, и день с ночью, как время суток и биологическая программа жизнедеятельности человека, уже не имели для меня никакого значения. Засыпая сегодня, я точно слышал, как Вадим говорил про то, что Сашка подобрал для меня вариант квартиры. И, мол, денег хватит, и еще останутся... Вот жена удивится, когда я ее из аэропорта домой повезу. «А здесь одна дорога!» – скажу я ей. Я глядел на Рольфа и все больше убеждался в необходимости покинуть город. Уехать, а когда все разрешится и уляжется и фройляйн Штефаниц расторгнет бессмысленный контракт с Гуровым, вернуться. Пащенко должен меня понять. Как это «все» уляжется и разрешится, я не имел ни малейшего представления. Я знал одно – Рольфа я никому не отдам, а ровно через семнадцать дней встречу жену и повезу домой...

Будучи уверен в том, что через несколько часов Вадим проснется, я вернулся в комнату и лег на диван. Сегодня мы с ним едем в банк, я забираю деньги, вырученные за квартиру, и исчезаю. Бог не выдаст, свинья не съест.

– Рольф, – тихо позвал я щенка.

Тот с готовностью вскочил с пола и уперся в мой лоб своими карими миндалевидными глазами.

– Кажется, теперь мы с тобой – бродяги.

Пес радостно согласился с таким положением вещей, подскочил и упер свои толстые лапы в диван. Даже не видя его нижнюю часть, я был уверен в том, что его хвост мечется из стороны в сторону. Ему было совершенно наплевать, кто мы. Главное – мы вместе.

До окончания моего отпуска оставалось двадцать пять дней.

Глава 7

– Это безумие чистой воды! – орал Пашенко, теребя воротник на форменной рубашке. Он уже в третий раз пытался застегнуть прокурорский галстук-«селедку». – Кому ты будешь нужен там, где тебя никто не ждет?!

– Я только так смогу обезопасить Рольфа.

– Да на кой хер тебе сдалась эта собака?! Отдай ее немке и получи деньги! Когда пес будет в Германии, с Гуроном мы быстро определимся! Главное, чтобы у тебя на руках не было этого пса!

Рольф сидел на полу и вертел головой, словно пытаясь выяснить, о чем идет речь. Он наелся колбасы из холодильника Вадима и сейчас имел весьма забавный и благодушный вид. Все утро он вертелся юлой, догоняя свой хвост, и сейчас ему хотелось на улицу. Во-первых, он уже к ней привык, а во-вторых, нужно было срочно побрызгать на какое-нибудь дерево или другой, вертикально расположенный предмет. Глядя на нашу перепалку, он словно понимал, что нужно немного подождать и все мы выйдем погулять. Люди одеваются для того, чтобы выйти на улицу, не иначе.

– Ты пойми, Вадим, я привык к Рольфу!

– Судья Струге, с вашими мозгами в суде даже секретарем работать опасно! Как можно привыкнуть к собаке, видя ее два раза в день? Вот пока ты на самом деле не привык, отдай ее ради бога и живи спокойной жизнью! У тебя все для этого есть: семья, деньги, работа, какие-никакие, но связи. Родной город, в конце концов! Куда ты собрался? К черту на кулички? Или хочешь, чтобы у тебя в поезде украли деньги, а тебя скинули? У тебя нет даже дальнего родственника, к которому можно было бы прибиться на время!

Пашенко был прав. Абсолютно. Но вместе с тем я был уверен в том, что исчезнуть на время из города необходимо. Так будет лучше и для меня, и для Рольфа.

Прокурор, наконец, справился с галстуком, и я, зная, что он опять начнет меня убеждать, поторопился вывести Рольфа на улицу. Глядя, как он бежит по кустам и озирается, я думал о том, что еще недавно у меня было все, о чем говорил Вадим. Работа. Квартира. Друзья. Сейчас, буквально через пару часов, у меня останется Рольф, служебное удостоверение Министерства юстиции России и уверенность в отсутствии каких-либо планов на жизнь.

Подростка было решено оставить у Пашенко. Он сам это предложил. Тыча в Рольфа пальцем, он говорил мне, делая ударение на каждом слове:

– Если хочешь жить, отдай его. Пока он с тобой, у тебя на спине будет висеть ватманский лист с огромной мишенью. За триста тонн «зеленых» каждый будет рад всадить в эту мишень пулю.

Рольф, которому сразу не понравилось, что в него тычат пальцем, сначала сдерживался, а под конец выступления прокурора утробно зарычал. Колбаса – колбасой, уважаемый, но, хоть и ты ее резал, кормил-то меня хозяин! Пальчик ведь можно и приговорить...

– Во! – воскликнул Вадим, но палец убрал. – Вся благодарность! Накормил, спать положил и в своей же квартире остался обляян. Хамье.

Усаживаясь на еще не нагретые солнцем сиденья «Волги», мы молчали. Каждый по-своему переживал скорую разлуку. Что ни говори, нас связывало около пяти лет знакомства, и за это время никому из нас не приходилось об этом сожалеть.

– Деньги все будешь забирать? – наконец выдал друг.

Я не знал, что ответить. В моей голове не было никаких планов, а значит, не было и промежуточных решений. Вздохнув, я на выдохе ответил:

– Не знаю.

– Дурак.

На этом разговор закончился и не возобновлялся до самого офиса. Уже почти подъехав к дому, где располагалась наша контора, Вадим остановил «Волгу» и развернулся ко мне всем телом. По его глазам я понял, что он намерен совершить последний штурм, после которого смирится с положением вещей.

– Не старайся, – оборвал я еще не начатую прокурором обработку. – Бесплезно. Мне нужно спасти себя и пса. Причем сделать это я хочу одновременно. Не расставаясь с ним.

– А со мной, с Сашкой Пермьяковым? Это по-твоему – нормально? Мы ведь жили одной семьей! С людьми, с которыми ты общался много лет, расставаться можно, а с собакой, которую знаешь через пень колоду, распрощаться не можешь?

– Толя, я вернусь через три недели! И все эти дни буду работать, чтобы вся эта бодяга рассосалась! Но если я отдам пса – он погибнет. А меня все равно в покое не оставят! Лучше наблюдать за событиями со стороны, чем в них участвовать. И это... Если что случится... В общем, присмотри за женой. Мне нужен тайм-аут. Без этого я не смогу во всем разобраться.

– А какого, извини, хера тут еще разбираться?! – Пащенко начал уже свирепеть. Видимо, я молол какую-то совершенно нелогичную чушь, и Вадим прекрасно это понимал. – В чем разбираться? Все совершенно прозрачно, как говорит наш президент. Пока кобель с тобой, в любой момент тебе могут разорвать жопу на британский флаг! Что тут еще разбираться?! Не нужно передо мной лепить горбатого, я прокурор, а не соска! Не заплачу! Да и ты, парень, не забывай, что мама твоя родила сыскаря, а не собачника! И если тебя вышибли из суда, то не потому, что ты был хреновым судьей! Я тебя знаю, поэтому не верю ни единому твоему слову. Ты и в прокуратуре так работал – никаких планов, все на предчувствиях. Вяжемся в драку, а там посмотрим, да? Но сейчас не тот случай, Антон. Сейчас на кону твоя жизнь. И ввязываться в драку, не имея планов своих и не ведая о планах чужих, я тебе не советую.

Заводя двигатель и пыхая прикуренной сигаретой, он бросил на меня косой взгляд:

– Я знаю одно. Тебя в покое не оставят и найдут везде. Приблизительно за ту же сумму Бендер разыскивал Корейко. Чем это закончилось, ты знаешь. Только ты на родину не на верблюде поедешь, а в «деревянном бушлате». Если найдут.

Вопреки моим ожиданиям, на этом процесс перетягивания каната не закончился. Пащенко расходился все больше и больше. Он уверял меня в том, что Эльдорадо находится именно здесь, что без него и Пермьякова я «загнусь», что «бабки» имеют свойство быстро утекать в песок, а их запас необходимо пополнять, и я уже стал понемногу раздражаться. От неминуемой склоки нас спасло то, что «Волга» въехала во двор, где располагалась транспортная прокуратура. Выйдя на улицу, я оперся на капот и стал ждать Вадима.

– Ты о жене-то хоть подумал? – Я его слышал, но не видел. Тот собирал на заднем сиденье какие-то папки и бумаги. Привычка Пащенко. Разбросать все документы, а потом мучительно вспоминать, какой из них к какому делу относится.

– Я только о ней сейчас и думаю! – Моя рука скользнула было в карман за сигаретами, как чей-то спокойный голос остановил это движение. Меня в большей степени испугал не голос, а тупой холодный предмет, мягко уткнувшийся в мою спину.

– Не двигаться. Руки на капот.

Странная команда, если учесть тот факт, что я стою, опершись на капот – во-первых, и что я судья – во-вторых... По нелепости таких распоряжений легко распознать отдельных сотрудников УВД. У ребят в экстремальных ситуациях срабатывает «автомат».

Теперь раздался голос чуть левее:

– Струге Антон Павлович?

– Да, – сознался я. Было бы глупо это отрицать. – Судья Центрального районного суда, если позволите. Теперь, когда вам стало ясно, кто я, мне можно повернуться?

Будь мент хоть трижды дурак, первое, что он выучит назубок, это список лиц, которым никогда нельзя отдавать команды и с кем нужно всегда здороваться первым. Значит, существует разрешение Лукина, председателя Областного суда, ввести меня в разработку. Без команды «руки на капот» можно было еще о чем-то предполагать, но именно это заставило меня понять неприятный факт. *Я в «обороте» у милиции.*

Фраза неизвестного: «Мы из милиции. Пройдемте с нами...», совпала с появлением прокурора, мгновенно понявшего, кто есть кто и что происходит.

– Какие проблемы? – пробасил он, обходя капот и двигаясь ко мне.

– Вы – Пащенко? – спросил тот, что любил удивлять незнакомых ранее людей угадыванием их имен.

– Я-то Пащенко, а вот вы – кто?

– Управление уголовного розыска Областного УВД. Капитан Ступицын. – Я услышал спиной знакомое потрескивание раскрывающегося удостоверения. Судя по треску, «ксива» совсем недавно была оклеена пленкой. Из этого можно сделать вывод – либо недавно переведен в Управу из райотдела, либо только что получил очередное звание. В любом случае удостоверение новенькое, и у парня есть мотивация очень стараться. Оправдывает доверие. Вывод мимолетный. Но умение делать такие выводы и замечать на первый взгляд ненужные вещи – основа сыска. Это прекрасно знает и Пащенко.

– Ты «пушку»-то убери, не на охоте! – попросил Вадим того, кто продолжал прижимать меня к «Волге» оружием. – Поляны не сечешь, юность мимолетная? Ты *судью* «стволом» подпирал!

– Убери, – коротко приказал назвавшийся Ступицыным, и у меня появилась возможность развернуться и оценить обстановку. «Оценивать» долго мне не пришлось, так как, едва повернувшись, я почувствовал щелчки металла у себя на запястьях. Я снова ощутил приступы раздражения.

– Что за дела? – поинтересовались мы с Пащенко в один голос.

– В основном – уголовные, – ответил Ступицын. – Ничего особенного. Нам нужно побеседовать с гражданином Струге в Управлении.

Второй розыскник стоял напротив меня в полуметре и старательно пережевывал жвачку. Его мятное дыхание и запах одеколona вызывали у меня чувство отвращения. Год назад у меня была подружка, и ее кошка, почувствовав мой дорогой одеколон, фыркала и убегала прочь. Прочь я убежать не мог, поэтому попросил парня дышать в сторону. Тот продолжал стоять и демонстративно обдавать меня мятными парами.

– А разрешение Председателя Областного суда есть?

– Конечно, есть, – заверил Ступицын. – Просто нужно поговорить. Ничего особенного.

– За «ничего особенное» железом в спину не тычут, – веско заметил Вадим. – Вы «работаете» у порога моей прокуратуры, поэтому я спрашиваю – что случилось? Вы в курсе, кто подписывает санкцию на арест судей? Я ведь довольно хорошо разбираюсь в Законе, поэтому Областному прокурору поведаю, как вы тут свои оперативные разработки «бацаете»!

– Это не «ваша» прокуратура, а государственная. И вы в ней – служащий. Развели вотчин... – презрительно бросил в сторону Пащенко любитель мяты. Его презрительность заключалась в том, что, обращаясь к прокурору, он даже не повернул в его сторону голову и продолжал упираться в меня взглядом. Было видно, что более умный Ступицын хотел прервать фразу своего подчиненного в самом начале, но тот выпалил все единым духом. Теперь Ступицын стоял и желал отдать полжизни за то, чтобы вернуть время хотя бы на десять секунд.

Это была ошибка. Прокурору можно все сказать, он все простит, но только в том случае, если ты – из его команды, или просто – друг. Спутнику Ступицына было года двадцать двадцать три, и я даже через карман его джинсовой куртки ощущал запах чернил от свежеставленной печати на его удостоверении милиционера.

– Сынок, – спокойно, но как-то угрожающе начал Вадим, – когда я заканчивал работу «важняком» в Облпрокуратуре, твоя мамка еще держала твою пипиську над горшком, приучая тебя попадать в него стружкой. Свою службу в органах, молодой человек, нужно начинать с уважения к старшим. Ты хочешь посмотреть на самом деле, кто *здесь* служащий?!

Ступицын, для которого фамилия «Пащенко» была, по всей видимости, хорошо знакома, тут же загладил вину перед прокурором объяснением того, что ему необходимо со мной переговорить по «одному важному делу». Меня же еще и касающемуся. Странно. Насколько мне известно, дела, меня касающиеся, все до одного лежат в моем сейфе Центрального суда. За дверью с табличкой – «Мировой судья 5-го участка СТРУГЕ А.П.». И вряд ли они могли заинтересовать УВД. И уж кто со мной говорил о них, так только не эти два молодых человека...

– Машина рядом, – сказал Ступицын и показал рукой за угол. – Проедем, поговорим. Я думаю, это много времени не займет.

По его фразе я понял, что это может занять очень много времени. Когда я работал в этой прокуратуре и не хотел устраивать на улице ненужную перепалку и выяснение отношений, я тоже так говорил – «это не надолго...». Потом выходило, что некоторые направлялись после «короткого» разговора не домой, а в СИЗО.

– Антон Павлович, я поеду за вами, – жестко произнес Пащенко. – Адвокату позвоню из машины, там же и ознакомимся с решением председателя Облсуда.

Зря, Вадим, зря...

Пустая трата времени. Как красиво ты меня «сделал», Лукин... Было от него разрешение, было. Это тогда, полгода назад, ты просчитал все мои ходы и мне же помог. Да как красиво сделал! Бумажку дал с фамилиями людей, которые будут голосовать против моего назначения мировым судьей! Всех я убрал! Всех до единого. И ошибся. Убирать тебя нужно было, отца родного! Все карты в моих руках были. А сейчас сколько ему до законной отставки осталось? Месяц? Два? Как раз то время, когда мирового судью Струге будут в очередной раз смешивать с грязью. Только разница между тем случаем и этим заключается в том, что сейчас будут смешивать ПРЕДМЕТНО. Дело рук Земцова, который никак не может простить мне общак Пастора? Ладно, думай не думай, а на чем-то они меня зацепили. И, видимо, неплохо, раз Лукин подписался под этим. *Но самое смешное то, что я понятия не имею, где преступил закон!*

Я ПРЕСТУПИЛ ЗАКОН. Это не самое смешное. Это самое страшное.

– Ну уж, сразу и адвокату! – недобро усмехнулся Ступицын. – Придумаете тоже! Я же сказал – просто поговорить.

– Пока адвокат не подъедет, – не обращая на капитана внимания, объяснял мне Пащенко, – ни единого слова им не говори.

Это скорее для милиционеров сыграл Вадик. Я сам могу научить кого угодно – что и когда нужно, а когда не нужно делать. Наш Закон позволяет определенными действиями делать то, что при других действиях называется его нарушением. Просто нужно знать его, Закон. Любишь ты его или ненавидишь – это твое дело. Но его нужно знать. Иначе окажешься неправым. Многие возмущаются – «Милиционеры «садят» одних исполнителей, мелочь. А настоящие бандиты гуляют на свободе и продолжают чудеса творить!»! А кто с этим спорит? Одни милицейские начальники. Те, что поглупее. А те, что поумнее, всегда скажут – *«сидят» в наших пресловутых зонах только те, кто не знает, как пользоваться законом!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.